

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

*Материалы Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)*

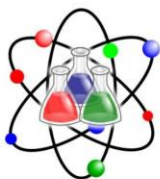
5 декабря 2014 года

г. Нефтекамск

Том 5

Секция “Филологические науки”

УДК 800
ББК 80

Актуальные проблемы науки:

Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (с международным участием); том 5 (секция «Филологические науки») / под общ. ред. А.И. Вострецова. – Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. – 84 с.

ISBN 978-5-9906169-0-5

ISBN 978-5-9906169-5-0 (т. 5)

В сборнике представлены материалы первой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы науки», где нашли свое отражение доклады студентов вузов и ссузов, магистрантов, аспирантов, докторантов, преподавателей, научных сотрудников по широкому спектру научных интересов: математике и информатике, юриспруденции, филологии, экономике, истории, иностранным языкам, психологии и др.

Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Статьи напечатаны в авторской редакции.

© ООО «Наука и образование», 2014

ISBN 978-5-9906169-0-5

ISBN 978-5-9906169-5-0

СОДЕРЖАНИЕ

Аникина С.А., Жукова А.Г. Специфика использования метафоры в социальной рекламе	5
Баранская Е.М. Пушкинские традиции в житнетворческой концепции Я.П. Полонского: Крым	9
Воробьева Е.С., Николаев Н.И. Маргинальный мир С. Довлатова (на материале повести «иностранка»)	16
Гавшина М.В., Каландарова Н.Н. Методика предупреждения и исправления орфографических ошибок у младших школьников	19
Гимаева Э.З., Евдокимова Е.В. Лексика и фразеология свадебной обрядности в русских говорах Башкирии	21
Еськова А.В., Селедкина Е.В. Функционирование антропонимов в малых группах	23
Казыханова А.Т., Зарипова И.Ф. Мөхәммәт мәһдиевнәң “без – кырык беренче ел балалары” повестендә эвфемизмнар	28
Калинина А.Н., Каландарова Н.Н. Тесты по литературному чтению как средство развития познавательных универсальных учебных действий младших школьников	29
Корнейчук Ю.В., Сафронова И., Чубак П., Кузьменок М. «Русская грамматика» М.В. Ломоносова как основополагающий труд в развитии русской синтаксической терминологии	32
Медведев А.А. Художественные средства изображения в романе Иэна Макьюэна «На берегу»	35
Минаева Е.В., Татаринова Н.В. Лингвострановедческий аспект в учебниках советского периода	38
Минаева И.А. К вопросу о принципах отбора материалов биографии писателей и поэтов в условиях обновления содержания образования	41
Моллок А.Э., Жукова А.Г. Прецедентные высказывания в современной социальной Российской рекламе	43
Мырзамамытова Ю.С., Гаврилова О.В. Язык как показатель классовой принадлежности в Британии	46
Орлова С.Л. Традиция обращения к адресату на «вы» в дружеских письмах русской интеллигенции	49
Пашкова К.М., Селёдкина Е.В. Семантическое поле внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый»	52
Писарева И.А., Брысина Е.В. Рекламный текст как элемент отечественной культуры	57
Сковородина С.В. Междисциплинарные связи как один из инструментов преподавания иностранных языков	61
Слепцова Е.В. Языковая интерференция как отрицательное проявление билингвизма при обучении грамматике немецкого языка	67
Улитина К.А. Методология описания концепта как базового понятия когнитивной лингвистики	69
Шейко Д.В., Грязнова В.М. Функционирование лексемы «сплетня» в текстах русской литературы XIX века	71

Шульдешова Н.В. К вопросу об организации лексикографических терминов	75
Щепина Е.А., Каландарова Н.Н. Компьютерные технологии как средство обобщения и контроля полученных знаний по русскому языку у младших школьников	77
Якименко Е.Р., Тропкина Н.Е. «Сохранить и не забыть» (история ЦАПП как культурное наследие региона)	79

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

В жизни современного российского общества чрезвычайно возросла роль социальной (некоммерческой, или общественной, в западной терминологии) рекламы, под которой понимается «реклама, представляющая общественные и государственные интересы и направленная на благотворительные цели» [6]. Социальную рекламу трактуют как «как форму общественной рефлексии», направленную на осознание социальных проблем и призывающую к их решению через наиболее доступный и распространенный канал – рекламный» [7]. В отличие от коммерческой рекламы, нацеленной на убеждение потребителя приобрести рекламируемый товар/услугу, социальная реклама призвана привлечь внимание людей к социальным проблемам и изменить отношение к ним, т.е. сформировать новые социальные ценности.

При создании текстов социальной рекламы важную роль играют образные средства: тропы и фигуры речи, повышающие ее воздействующий эффект. Как для любых рекламных текстов, для текстов социальной рекламы характерна креолизованность, т.е. тесное взаимодействие их вербальной и визуальной частей.

Н.В. Мещерякова отмечает следующее: «Для социально-рекламных текстов характерна относительно низкая образность вербальной части и экстраполяция образной функции в визуальную часть рекламного сообщения. На основании этого было сделано предположение о том, что наибольшей семиотической образной подвижностью (активностью) обладает визуальная сторона социально-рекламного сообщения. Собственно вербальная часть, напротив, характеризуется относительной устойчивостью, при этом именно она определяет общую концептуальную направленность рекламного сообщения, его функциональное предназначение» [4].

Исходя из данного предположения, можно сделать вывод о том, что визуальная и вербальная части социально-рекламного сообщения не равноправны с точки зрения образности, хотя и находятся в отношениях зависимости и взаимодействия.

В текстах социальной рекламы используются различные образные средства, но частота употребления каждого из них различна. Наибольшей частотностью в социальной рекламе отличается такое образное средство, как метафора, в основе которой лежит сходство в каком-либо отношении двух предметов или явлений.

Метафора в рекламном тексте: 1) является материалом для иллюстрации основной мысли, идеи; 2) служит «подсказкой» решения (сюжет может натолкнуть на нужную мысль) или побуждением к действию; 3) порождает новые идеи и усиливает внутреннюю мотивацию. Воздействуя косвенно, большей частью «в обход сознания», метафора уменьшает критичность потребителя по

отношению к рекламе [1].

Рекламный текст усиливает воздействие вербальных метафор с помощью рекламных изображений, задача которых сводится к тому, чтобы быть визуальным отображением вербального образного средства. Таким образом, именно визуальная метафора является основным и наиболее часто используемым образным средством в социальной рекламе.

Приведем примеры такого «синтетического» применения метафоры.

**Продавая пиво
несовершеннолетним,
Вы открываете перед
чужими детьми
новые перспективы**

В рекламе против продажи алкоголя несовершеннолетним момент открывания банки метафорически сравнивается с открытием новых перспектив для детей. То, какие именно перспективы ждут несовершеннолетних, которым продают пиво, визуально отражено на дне открытой банки в виде колючей проволоки. Метафора реализуется за счет многозначности слова «открыть»: прямое значение («открыть банку пива») и переносное «предоставить, сделать доступными» взаимодействуют между собой в сочетании «открываете ... новые перспективы». Имплицитное сообщение, которое должно считываться адресатом, заключается, во-первых, в том, что употребление пива несовершеннолетними детьми может привести к непоправимым последствиям, а во-вторых, в том, что случиться это может так же легко, как легко открыть банку.

В следующем примере на вербальном и визуальном уровнях обыграны разные значения глагола «отрывать»: «отделить рывком, натянув, дернув» и «разлучить». Визуальный ряд содержит изображение разорванного листа бумаги с изображением семьи.

Слово «отрывает» выбрано рекламодателем не случайно. В совокупности с визуальным рядом оно подчеркивает то, что происходит разрушение семьи как целого: подобно тому, как от листа бумаги отрывают его часть, так же и член семьи «отрывается» от нее – целое распадается на части. Листок бумаги можно склеить, но линия отрыва, трещина все равно останется, и лист уже никогда не будет таким, как был. Так же и с пьянством: его последствия неизгладимо скажутся на семье. Метафора реализуется и на следующем уровне: подобно тому, как разрыв бумаги сопровождается характерным резким звуком, так и отрыв от семьи в результате пьянства сопровождается резкими негативными последствиями для членов семьи.

В рекламе против нарушения правил дорожного движения разделительная полоса на дороге метафорически сравнивается с полосой/чертой/линией жизни, которую нельзя пересекать, чтобы жизнь не оборвалась. Обыгрываются прямое значение слова «черта» и его фразеологическое связанное значение «граница». Визуальный ряд содержит изображение потерявшего терпение человека, готового пересечь черту, не задумываясь о последствиях. Значение имеет и цветовое решение рекламного текста: черный фон и красный шрифт для слов «не пересекай» – предупреждение о том, что данное действие может привести к трагедии.

В данном примере реализация воздействующей функции происходит на основе психологического воздействия: фраза «потеряв терпение» вызывает у водителей ассоциации с типичной повседневной ситуацией за рулем, когда, стоя в пробках, они, как правило, теряют терпение и в целях сокращения времени передвижения начинают нарушать правила. Метафорическое сравнение разделительной дорожной полосы с чертой жизни реализует, таким образом, основную задачу социальной рекламы – призвать адресата задуматься об

актуальной общественной проблеме и впоследствии изменить его модель поведения, в частности, сократить случаи нарушения правил дорожного движения.

Приведем пример рекламы против курения, которая построена на внешнем сходстве сигарет и клавиш пианино.

Для усиления сходства сигареты на картинке расположены по тому же принципу, что и клавиши в пианино. В данном случае затяжка курильщика метафорически сравнивается с нажатием клавиши, а собственно процесс курения – с игрой на пианино, с «мелодией смерти». Данный пример иллюстрирует практически полностью экстраполяцию образной функции в визуальную часть.

В другом примере рекламы против курения визуальная метафора реализуется следующим образом: тяжесть легких курильщика метафорически сравнивается с тяжелым весом бегемота.

Эффект метафоры усиливается за счет подобного легким зеркального изображения двух бегемотов. Понятия «тяжелые легкие» нет ни в медицинском терминологическом аппарате, ни в разговорном обиходе, однако в сочетании с визуальным рядом и тематикой рекламы смысл данного словосочетания ясен. Здесь может подразумеваться как толстый слой никотинового налета на легких

курильщика, от которого они становятся тяжелыми, так и тяжелое дыхание, выработывающееся со временем у курящих людей.

В отечественной социальной рекламе метафора – самое востребованное образное средство. Оно лучше всего подходит под задачу соединения визуального и вербального компонентов текста и характеризуется относительной легкостью создания и восприятия. Однако эффективность рекламного сообщения может достигаться и другими средствами. Российская социальная реклама находится в начале своего пути, она активно развивается, и, без сомнения, репертуар образных средств, используемых в «режиме креолизованности», в этом типе текстов будет расширяться.

Литература и примечания:

[1] Дмитриева Л.М. Социальная реклама: Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2009. С. 15.

[2] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

[3] Кортлэнд Л. Бове, Уилльям Ф. Аренс Современная реклама. Издательский Дом Довгань, 1995.

[4] Мещерякова Н.В. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности (на материале текстов социальной рекламы на русском и немецком языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1989.

[6] Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.М., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2001. С. 356.

[7] Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии. М.: Факультет журналистики МГУ, 2004. С.174.

[8] Уэллс У., Бернет Дж., Мориарти С. Реклама: принципы и практика: Пер. с англ. – СПб.: Издательство «Питер», 1999.

© С.А. Аникина, А.Г. Жукова, 2014

Е.М. Баранская
*РВУЗ «КИПУ»,
г. Симферополь*

ПУШКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Я.П. ПОЛОНСКОГО: КРЫМ

В литературе XIX в. Я.П. Полонский (1819 – 1898) признавался «непосредственным преемником пушкинских традиций» [2, с.2] (Е.М. Гаршин), к 1870 г. – «образцовым, классическим» [11, с.130] (Н.Н. Страхов) поэтом.

Начальное литературное самоутверждение Я.П. Полонского (1819 – 1898) приходится на 1840 – 1850-е гг. и сопряжено с привнесением романтического

видения «я-для себя» и «я-для других» в сферу жизнетворческих установок поэта. Основы историко-литературного и «житейского» образа поэта-Полонского закладываются на различных социокультурных и поведенческих уровнях, в том числе и в литературном восприятии современниками; формируется узнаваемый литературный облик поэта «чистого искусства».

Современники раннего Я.П. Полонского единодушны в эмоционально-психологическом восприятии художественного дара поэта: «несомненный и оригинальный» талант в оценке А.А. Фета, «даровитейший лирик» для А.А. Григорьева и «малый с талантом» для Н.М. Языкова (1844). Его «свежестью лиризма» восхищался Н.В. Гоголь. В.Г. Белинский («Русская литература в 1844 году») отмечал у Полонского наличие «чистого элемента поэзии», «без чего никакие умные и глубокие мысли, никакая ученость не сделают человека поэтом», притом концептуально-формирующее значение отводил творческой личности: «Главное и трудное дело состоит не в том, чтоб иметь направление и идеи, а в том, чтоб не выбор, не усилие, не стремление, а прежде всего сама натура поэта была непосредственным источником его направлений и идей» [1, с.474]. Впрочем, это не означало непрерывной концентрации поэта в поэзии на своей личности («натуре»).

Базовой, объединяющей категорией становится личность Я.П. Полонского. А.В. Дружинин («Стихотворения Я.П. Полонского», 1855) напрямую связывает особенности поэзии Полонского со свойствами его личности: «истолкователь светлых ощущений души человеческой», в произведениях его «большая часть его жизни» [3, с. 14, 18]. И в 1840-е годы Я.П. Полонский постулирует свою литературную личность (равно как и биографическую) в духе романтического субъективизма, сфокусированного на поэтически-условном представлении «изящного». Идея «изящного» предопределила направление художественного мировоззрения Я.П. Полонского и, как следствие, характер его лирического героя: целенаправленное выделение в искусстве и в жизни областей идеального, мечты.

И в самых ранних стихотворениях, и в значительно более поздних (конец 1850-х гг.) Я.П. Полонский работал в духе романтических традиций 1820 – 1830-х гг. Это подмечал Б.М. Эйхенбаум в стихотворениях Полонского «Статуя», «Диамей»; влияние М.Ю. Лермонтова признавалось И.Н. Розановым, А.И. Лагуновым (ст-я «На пути из-за Кавказа», «Грузинская песня», «Бэда-проповедник», «Ангел», «В потерянном раю», «Финский берег» и др.). Ориентация на «пушкинско-лермонтовское» направление проявилось в вариациях темы «поэт и поэзия», что характерно и для современников Полонского (В.Г. Бенедиктова, Н.П. Огарева, поэтов кружка Станкевича, поэтов-петрашевцев и др.). Однако мы «отводим» поэзию Я.П. Полонского из-под однозначного лермонтовского влияния и представляем его, вслед за критиками-современниками (А.В. Дружининым (1855), В.М. и Е.М. Гаршиными (1887), В.А. Гольцевым (1899), М.Г. Халанским (1900) и др.), преимущественно поэтом «пушкинского направления» [3, с.19]. Полонский осваивал тематику и эмоциональный настрой пушкинской романтической поэзии, его лирический герой во многом формировался в духе пушкинских традиций, а литературная личность поддавалась обаянию личного образа Пушкина. Пример тому – любовная лирика Полонского («Маска», «Пришли и стали тени ночи...», 1842; «К

NN», 1843; «Вызов», «Встреча», 1844; «Прощай». «Последний разговор», 1845; «Грузинка», 1846; «Письмо», 1853; «Утрата», 1857 и др.), где просвечивают элементы сознательной «работы» на узнаваемость образа поэта-романтика.

Любовная лирика раннего Полонского являет желание поэта увидеть своего лирического героя подобным пушкинскому. Словно своей жизнью Полонский вознамерился воссоздать поэтический любовный мир Пушкина. Например: история его любви-страдания к Евгении Сатиной – едва ли не инсценировка пушкинского «Я вас любил...» (1829). Поначалу – романтическая заочная влюбленность (по красочному описанию друга). Потом – письма (неотосланные), обожание издали, случайные встречи. «За один поцелуй» – «готов отдать половину жизни» [12, с.226]. Полонский даже начинает дневник, поверяет свои чувства некоторым друзьям, при этом один из них (М. Кублицкий) оказывается счастливым соперником Я. Полонского. История этой «безмолвной, безнадежной» поэтической любви длится почти два года – написаны стихотворения: «Я без ответа, без участия / Могу любить» («Перемены», 1842), чуть позже – «Любить – страдать, / Страдать и жить – / Одно и то же» («О Боже, Боже»); «К NN» (1843), «Встреча» (1844). Любовь к Соне Коризне, с которой в поэзию Полонского входит тема утаенной и вечной любви, повторяет пушкинское стихотворение «К***».

Идея романтического житийства – «видение себя и своей жизни в свете романтических идеалов» [6, с.41] – включалась в поэтические традиции начала XIX в. и во многом определяла не только художественно-эстетическую систему, но и поведенческие законы. Полонский-романтик, вполне в духе эпохи, использует художественный текст как «текст поэтического поведения» [5, с.264] (Ю.М. Лотман). Романтическое видение мира (искусство – единственно возможная для художника «идеальная реальность» поэтической искренности) мифологизирует биографическую личность Полонского, формируя в бытовой жизни штампы условного романтико-психологического поведения. Подобная мифологизация «житейского образа» не ограничивается читательской аудиторией, но распространяется и на межличностные взаимоотношения. Важную роль в моделировании романтического образа поэта сыграло пребывание Полонского на Юге: в Одессе¹, Крыму.

В Крыму Я.П. Полонскому довелось побывать дважды: в 1846 г. и 1850 г. После 1850 г. Я.П. Полонский в Крыму не бывал. Сведения о посещении Полонским Крыма нуждаются в достаточно серьезных уточнениях и дополнениях. В краеведческих и литературных сборниках о Крыме о поэте упоминается крайне редко. Так, в сборник А. Маркевича «Крым в русской поэзии» за 1897 и 1902 гг. включены два стихотворения: «Ночь в Крыму» (1857) и «На Черном море» (1855). В книге «Крым в русской литературе» (1948) – лишь «Ночь в Крыму», при этом указания на пребывание Полонского в Крыму отсутствуют. Сборники литературно-краеведческих очерков более позднего времени («У литературной карты Крыма», 1965; «Крымские каникулы», 1985) о Полонском не упоминают вообще. А вот в «Поэтическом атласе Крыма» (Справочник туриста и краеведа, 1989) названы «Ночь», «Ночь в Крыму», «На Черном море», однако в справочных материалах указано, что Полонский «прожил в Крыму более года с середины 40-х годов» [4, с.203]. Биографические факты опровергают данное утверждение: в середине 40-х годов Полонский не мог

жить в Крыму. Отсутствие научной биографии Я.П. Полонского приводит к хронологическим неточностям в крымском и кавказском периодах творчества поэта. В частности, Б.М. Эйхенбаум относит «Ночь» к «Кавказскому циклу», В.Г. Фридланд считает, что стихотворение «Качка в бурю» написано на Кавказе и т.д.

Еще до окончания университета у Я. Полонского появляется мысль уехать на службу, непременно на юг, и желательно – в Крым. В 1843 г. он пишет об этом своему приятелю Николаю Орлову²: «Если на Крымском полуострове – где-нибудь в приморском городе ты найдешь для меня место – я буду весьма тебе благодарен <...>» [8, с.52].

В ноябре 1844 г. Полонский уехал-таки на Юг, но не в Крым, а в Одессу, где прожил чуть более полутора лет: уже по приезду поэт узнает, что Одесский генерал-губернатор М.С. Воронцов назначен наместником на Кавказ, и «все здешнее (одесское – Б.Е.) народонаселение движется за ним, как за колонновожатым». «Одесса пустеет, – пишет Полонский тому же Н. Орлову 1 января 1846 г., – и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу» [8, с.64]. Друзья выхлопотали для Полонского место в канцелярии наместника (здесь он служил почти пять лет, до июня 1851 г.). И 6 июня 1846 г. молодой поэт отправляется морем на Кавказ. По дороге заезжает в Керчь, где в неприметной гостинице в ожидании следующего парохода – от Керчи до Редут-Кале – проводит три дня. «Разберете ли вы хоть что-нибудь в моем письме? – пишет Полонский из гостиничного номера одесским знакомым Гутмансталам. – Пренеловко писать – столик такой маленький, стулик такой низенький, перо такое гусиное <...>» [12, с.236]. Убогая обстановка временного пристанища никак не способствовала душевному комфорту поэта, да и напряженное ожидание не давало ему возможности расслабиться, прогуляться по Керчи и понять своеобразную красоту приморского города. По крайней мере, первое кратковременное посещение Крыма не оставило по себе сколько-нибудь значительных воспоминаний и поэтических результатов.

Вторичный визит в Крым, в 1850 г., гораздо более длителен и насыщен впечатлениями. В начале июня Я. Полонский берет отпуск с намерением поправить здоровье в Крыму: он чувствовал себя неважно, к тому же был мнителен, малейшее ухудшение самочувствия угнетало его. «Два-три месяца в Крыму, среди спокойной, устроенной жизни, при морском купанье, совершенно восстанавливают твоё здоровье, и ты осенью воротиться к нам молодец молодцом <...>» [12, с.245], – успокаивает Полонского на пути из Тифлиса в Редут-Кале И.Ф. Золотарев (знакомый по Одессе). Из Редут-Кале Я. Полонский добрался пароходом до Ялты.

Остановился в двух верстах от Ялты – в Массандре, в имении князя М.С. Воронцова. К этому времени в Массандре подрастал заложенный в сороковые годы парк. Экзотические растения на фоне моря и гор создавали восхитительную картину, а тишина теплых крымских ночей, мерный шум ночного прибоя запечатлелись в стихах:

Что мне сумрак холмов – трепет сонных листьев –
Моря темного вечно шумящий прибой –
Голоса насекомых во мраке садов –
Гармонический говор струи ключевой? Ночь!.. <...>
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, –

Так люблю, что страдая люблюсь тобой.

«Ночь», 30 августа 1950 [9, с.78–79].

В 1857 г., находясь в Швейцарии, в Женеве, поэт вспомнит вечерние прогулки по «нагорному саду» Массандры:

Шли мы, – лавр благоухал,

Грот чернел за виноградом,

И бассейн под водопадом

Переполненный звучал.

«Ночь в Крыму», 1857 [9, с.121].

Почему малоизвестный молодой поэт отдыхает в имении наместника? Думается, здесь не последнюю роль сыграла помощь Н. Орлова. В 1844 г. Николай пишет другу: «Душа моя Полонский, меня крепко беспокоит твоя участь. Я предлагаю тебе протекцию доброго моего дяди – Н.Н. Раевского во всем, что касается до Одессы и до Таврической губернии. Здесь жить дешевле, приятно и прибыльно» [7, с.15]. Налицо связь: Полонский – Раевский – Воронцов. Снабженный рекомендательным письмом из Москвы, Полонский получает возможность представиться жене наместника южного края – Е.К. Воронцовой. «Она приняла меня, – сообщал Полонский, – со всею любезностью, которая ей одной так свойственна <...>, пригласила меня на свои понедельники» [7, с.16]. Полонский пользуется ее расположением и, возможно, заступничеством, поскольку в Тифлисе Воронцов был весьма сердит на нашего поэта: «Много вы здесь глупостей наделали, но эта превосходит все, пора бы вам, Яков Петрович, убираться с Кавказа» [7, с.19]. Эти слова были сказаны после «нечаянного» выстрела Полонского в неудавшийся портрет наместника кисти Ф.И. Байкова – друга Я. Полонского.

Прогулки из Массандры в Ялту Я. Полонский вспоминает с чувством душевной умиротворенности, покоя: «Когда ветру нет и море не бурлит – с одного конца Ялты можно ясно слышать, как на другом конце города стучат копыта, гремит неожиданный экипаж или приезжий громко спрашивает, где гостиница» [12, с.245].

В Ялте отдыхал тогда младший брат А.С. Пушкина Лев Сергеевич, «очень светский» и «очень смешливый» человек. «<...> На террасе в полночь (повидимому, в гостях у Пушкина – Б.Е.) я читал ему стихи свои Звезды, которые ему очень нравились (но что это были за стихи, не помню)» [12, с.245], – писал позднее Я.П. Полонский. Познакомились они еще в 1844 г. в Одессе. Рыжеватый, с бакенбардами, Лев Сергеевич оказался очень похож на своего старшего брата. Служил в Одесской портовой таможне, снимал квартиру на Дерибасовской, был женат на красивой молодой блондинке, у них родилась дочь. В Одессе Полонский часто встречал его на Приморском бульваре, Лев Сергеевич приглашал молодого поэта к себе: «Жил не роскошно, – по свидетельству Полонского, – но ел и пил на славу, редко обед его обходился без шампанского» [12, с.245]. В 1846 г. Полонский написал ему поэтическое послание «Прогулка по Тифлису» с подзаголовком: (Письмо к Л.С. П-шк-ну 1846 года). Теперь в Крыму поэт застал Льва Сергеевича уже неизлечимо больным, но все таким же весельчаком и немножко «циником»: «<...> раз, при мне, в Крыму, читал княгине Урусовой³ Царя Никиту своего брата <...> (молодой Пиляр-фон-Пильхау⁴ за нее краснел, а она холодно смотрела на Пушкина и по временам как бы про себя

воскликала: какие глупости!))» [12, с.245], – делился впечатлениями Я. Полонский.

По-видимому, в это же время в Крыму Л.С. Пушкин поделился с Я.П. Полонским воспоминаниями о брате, которые впоследствии тот поместил в мартовском номере «Cosmopolis-a» за 1898 г. Содержание одного из воспоминаний весьма прозрачно намекает на настроение молодого поэта и тематику его бесед со Львом Пушкиным: «Раз у ней (А.И. Смирновой-Россет – Б.Е.) зашла речь с Пушкиным об его стихотворении «Подъезжая под Ижоры...». «Мне это стихотворение не нравится, – сказала ему Смирнова, – оно выступает как бы подбочившись». Пушкину это понравилось, и он много смеялся» [15, № 61]. Почему же смеялся Пушкин и почему именно этот эпизод из его жизни запомнился Полонскому? Возможно, причина в том, что Смирнова весьма удачно подметила игровое начало в любовной лирике Пушкина, поэтическое призвание которого обязывало носить маску романтического влюбленного, и Пушкин дает это понять: «Через год опять заеду / И влюблюсь до ноября» («Подъезжая под Ижоры...», 1829) [10, с.443].

Тип условно-романтического поведения в реальной жизни, заявленный Пушкиным, подхватывает и Полонский: влюбляется... до конца августа в некую мадам де Волан. Романтическая интрига вынуждает Полонского ненадолго покинуть в конце лета Ялту: провожая свою даму, Полонский прошел в каюту парохода, когда спохватился – пароход был в открытом море. Вполне в характере романтика «нечаянно», без денег, без вещей оказаться в другом городе (в Одессе) и, пока никто не заметил исчезновения, вернуться обратно в Ялту в сопровождении приятного попутчика. Таковым стал Г.П. Данилевский. По пути (скажем: обратному) в Крым Я.П. Полонский написал известнейшее стихотворение «Качка в бурю», напоминающее эмоциональным фоном пушкинское «Погасло дневное светило...». Данилевский свидетельствует: «На пути мы вынесли сильный шквал; половину путешественников укачало. В Ялте Я.П. Полонский, остановившись со мной в одной гостинице, прочел мне и вписал карандашом <...> стихотворение «Качка в бурю», очевидно, написанное им под влиянием перенесенного нами шкала, обозначив под ним: «Пароход «Тамань». Сентябрь 1850 г.» [9, с.432]. В ту же ночь поэт написал еще одно стихотворение – «Ночь на восточном берегу Черного моря», что подтверждает авторская датировка.

Пушкинская среда, в которой Полонский оказывается в Крыму (также конец лета, окружение), вызывает у молодого автора, поклонника Пушкина, соответствующие «пушкинские» ассоциации, что так прозрачны в его стихах о Крыме, большинство которых датируется 1850-м годом: «Качка в бурю», «Ночь на восточном берегу Черного моря». «Ночь», «Не мои ли страсти»; «Ночь в Крыму» (1857). В пушкинском Крыму Я.П. Полонский культивирует образ поэта-романтика. «Я люблю тот образ, который ты в настоящее время создаешь передо мною твоей жизнью, – писал Полонскому в этот период А.А. Фет. – Да, твоя натура истинно поэтическая <...>» [13, с.330].

Крым гармонично укладывается в романтическую модель поэтического облика Я.П. Полонского – поэта «пушкинского круга». Полонский мыслил себя в пушкинском кругу. Его романтические ассоциации сфокусированы на Крыме. Крымские стихи Полонского пронизаны пушкинскими ассоциациями и

настроениями:

Перед непризнанной любовью
Я весел был в прощальный час,
Но – боже мой! с какою болью
В душе очнулся я без вас!
Какими тягостными снами
Томит, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!
«Утрата», 1857 [9, с.124].

По словам А.Н. Майкова, стихотворение это («Утрата») «пахнет ароматом Пушкина» [12, с.264]. И элемент подражания здесь не только понятен, но даже естественен – если исходить из особенностей того литературного времени, когда «сочинять значило подражать» (В.Г. Белинский) [1, с.439]. Естественное психологическое стремление Полонского к соответствию критериям пушкинского романтического идеала привело к эффекту предельной авторской откровенности в поэзии. Современниками Я.П. Полонский воспринимался не иначе, как представитель пушкинской школы, увенчанный лаврами пушкинской славы пиит.

Примечания:

¹Жизнь в Одессе Я.П. Полонский опишет в романе-хронике «Дешевый город» (1879).

²Николай Михайлович Орлов – сын опального генерала, декабриста Михаила Федоровича Орлова, которому в Крыму, на берегу Салгира, принадлежал дом.

³Предположительно, жена сенатора Екатерина Павловна Урусова, урожденная Татищева (1775 – 1855), давняя знакомая Пушкиных, которых еще в конце 20-х годов привлекала «прекрасная среда» «радушного и гостеприимного» [14, с.456] московского дома Урусовых.

⁴Пиляр-фон-Пильхау – житель Ялты.

Литература:

[1] Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13-ти т. М.: Изд-во АН СССР. Ин-т руслит. (Пушкин.Дом). Т. 8: Статьи и рецензии. 1843 – 1845. 1955. С. 430–488.

[2] Гаршин Е.М. Поэзия Я.П. Полонского: Критический этюд. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1887. 27 с.

[3] Дружинин А.В. Стихотворения Я.П. Полонского // Современник. 1855. Т. 54. С. 1–20.

[4] Крым. Поэтический атлас: Справочник туриста и краеведа. Симферополь: Таврия, 1989. 208 с.

[5] Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995. 847 с.

[6] Орехова Л.А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): Учебное пособие. К.: УМК ВО, 1992. 96 с.

[7] Орлов П.А. Я.П. Полонский (1819 – 1898). Критико-биографический очерк. Рязань: Рязанское кн. изд., 1961. 232 с.

- [8] Полонский Я.П. Письма к Н.М. Орлову // Новые пропилеи. М.–Пг., 1923. Т. 1. С. 40–72.
- [9] Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1: Стихотворения; Поэмы. 493 с.
- [10] Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т.1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. 735 с.
- [11] Страхов Н.Н. Критика. 1) Сочинения Я.П. Полонского. СПб. Т. I, II и III. 2) Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пятое, 4 часть. СПб., 1869 // Заря. 1870. № 418. С. 127–164.
- [12] Тхоржевский С.С. Высокая лестница // Портреты пером. М.: Книга, 1986. С. 220–349.
- [13] Фет А.А. Сочинения: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2: Рассказы; О поэзии и искусстве; Письма. 461 с.
- [14] Черейский С.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 544 с.
- [15] Языков Д.Д. Полонский Я.П. // Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 19. Ч. 1. № 46–86.

© Е.М. Баранская, 2014

**Е.С. Воробьева,
Н.И. Николаев,**
*филиала САФУ им. М.В. Ломоносова,
г. Северодвинск*

МАРГИНАЛЬНЫЙ МИР С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ИНОСТРАНКА»)

Сергей Довлатов вошел в литературу в конце 1960-х годов. Но советские издательства регулярно присылали ему ответы о невозможности выхода в свет его произведений. Рассуждая по этому поводу, Довлатов писал: «Это было странно. Я не был мятежным автором. Не интересовался политикой. Не допускал в своих писаниях чрезмерного эротизма. Не затрагивал еврейской проблемы. Мне казалось, я пишу историю человеческого сердца. <...> Я не был антисоветским писателем, и все же меня не публиковали. Я все думал - почему? И наконец понял. Того, о чем я пишу, не существует. То есть в жизни оно, конечно, имеется. А в литературе не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет» [4, С. 358].

Автопсихологический герой в прозе С. Довлатова типологически связан как с героями русской литературной классики, так и с героями современной писателю литературы. «Герои Довлатова обладают чертами распространенных в русской литературе типов «странника», «маленького» и «лишнего» человека. «Антигерои» Довлатова продолжают традицию изображения «мертвых душ» - героев духовно статичных, внутренне не свободных» [5, С. 182].

Вершиной иронической прозы С. Довлатова порой называют повесть «Иностранка». Это первое серьезное произведение, написанное Сергеем Довлатовым в эмиграции. Эта книга посвящена «одиноким русским женщинам в Америке», и рассказывает об одной из них.

Для многих именно «Иностранка» стала лучшей книгой Довлатова, в которой автор демонстрирует «не только зрелый стиль, безупречное владение языком, способность выстраивать гармоничную и органичную конструкцию произведения, но и некую житейскую мудрость, которая наполняет собой повесть» [2, С. 4].

В своём произведении автор высмеивает ту действительность, за которой он имеет возможность наблюдать. Создавая центральных персонажей, автор детально прорабатывает их характеры, благодаря чему каждый из них кажется реальным, живым и в чем-то очень симпатичным человеком. При этом не забывает Довлатов и о персонажах второстепенных. Населяя ими мир «Иностранки», он не просто расставляет безликие манекены на втором плане, а вводит в сюжет живые характеры.

Главная героиня повести – Маруся Татарович – дочка влиятельных советских чиновников, поэтому и детство у нее было счастливое, и окружение сплошь достойное. Казалось бы, ее будущее предreshено, но избалованная и легкомысленная Маруся «на девятнадцатом году полюбила еврея с безнадежной фамилией Цехновицер» (С. 12). За этим недолгим её увлечением последовала череда любовных романов. Когда героине было «под тридцать... на Марусином горизонте возник знаменитый эстрадный певец Бронислав Разудалов», от которого у нее родился сын Лева. Но семейная жизнь с неверным Разудаловым не удалась. «Тут как в сказке появился Цехновицер» (С. 43) с предложением эмигрировать. Хотя мотивировка его представляется в высшей степени поверхностной и легкомысленной: «Во-первых, это было модно. <...> То и дело уезжали знакомые деятели культуры» (С. 43). Быстрое согласие героини с этим предложением кажется в высшей степени странным и парадоксальным. Муся с сыном переезжает в Америку. И тут-то она и поняла, что все её романтические представления о заграничной жизни не более чем иллюзии, однако пути назад отрезаны. Марусе приходится учиться жить самостоятельно, привыкая к традициям нового общества. Вместе с такими же разочарованными соотечественниками, спешно покинувшими родину. Повествуя о жизни своих героев, автор убедительно свидетельствует, что никто из них не стал американцем, это скорее советско-еврейский микс американского гетто для выходцев из России: «Мы – это шесть кирпичных зданий вокруг супермаркета, населенных преимущественно русскими. То есть недавними советскими гражданами. Или, как пишут газеты – эмигрантами третьей волны» (С. 7).

Все персонажи явственно ощущают своё маргинальное положение: прежние связи с родиной утрачены, а новые никак не формируются. Эмигранты обособляются в своем квартале от внешнего мира, создавая свой островок советской культуры, принципиально не желая ассимилироваться. Им важно сохранить самобытность, но при этом суметь приспособиться в американском обществе. Бывшие советские граждане стараются держаться вместе, помогая друг другу.

В основном, персонажи Довлатова «фигуры обочинные, маргиналы, как

теперь бы сказали. Не то чтобы алкаши, но публика сильно пьющая. Не то чтобы совершенные бездельники, но работой себя не перегружающие. Не то чтобы вполне циники, но уж никак не носители высокой нравственности. Это и не позволяет окончательно отдать этим симпатичным и редко унывающим бродягам любовь и сочувствие. Хотя и то, и другое тоже, конечно, испытываешь» [1, С. 37].

Главной героине Мусе Татарович хоть и нормально живётся в материальном плане, но на душе нет покоя – постоянные сомнения в пространственном и духовном комфорте в условиях чужой страны, стремление к обретению душевной гармонии в родной среде – это все черты маргинальной личности.

Жизнь главной героини Муси Татарович крайне противоречива: девушка из приличной семьи не может ужиться с практически идеальным первым мужем. Являясь особой крайне легкомысленной, не могла смириться с точно таким же поведением со стороны второго мужа. Будучи обеспеченной всеми материальными благами – уезжает из страны без видимых на то причин.

Такая непоследовательность героини, похоже, совпадает с алогичностью её мира, это выражается в «абсурдности бытия», о котором писал Довлатов. В «Иностранке» нет трагического описания жизни на чужбине, нет циничности в описании жизни советских эмигрантов, есть лишь беззлобная ирония, однако нас не покидает ощущение тоски по родине. И в этом очередной парадокс – люди так стремились уехать из СССР, но, уехав, затосковали. «Великая страна! Да мы-то здесь чужие, независимо от убеждений» (С. 118) – вот ключ к пониманию внутреннего состояния всех уехавших.

Герои повести пытаются преодолеть свое маргинальное положение, но в этом их стремлении нет никакого «надрыва». Для всех персонажей повести характерен явно негероический тип поведения, но при этом они, очевидно, тяготеют друг к другу, осознавая свою некую социальную однородность.

По мнению А. Арьева: «Аутсайдеры Довлатова – без всяких метафор – лишние в нашем цивилизованном мире существа. <...> Трудно установить, отреклись довлатовские герои от социальной жизни или выброшены из нее. Процесс этот взаимообусловлен. Тонкость сюжетов прозаика на это и заострена» [2, С. 14].

Это «маленькие люди», оказавшиеся за бортом жизни, маргиналы, утратившие связь с родной страной, но не принятые новой средой. И снова парадокс: «Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся. В таких случаях мы убедительно просим: Говорите по-русски!» (С. 7) При этом, все жители русского района в Нью-Йорке отчаянно пытаются занять хоть какое-то положение в американском обществе.

Это эмигрантская вариация на одну из главных тем русской классической литературы о «маленьком человеке». Герои Довлатова не вызывают никаких негативных эмоций. Их неустроенность в чужом мире, тоска по Дому рождает сочувствие и сожаление. Но эти чувства меняются к концу повести, когда вдруг осознаешь, что у героев получилось создать свой самодостаточный и самооценный мир, мир людей нуждающихся и нашедших друг друга.

Литература и примечания:

[1] Анастасьев Н. Слова – моя профессия. О прозе Сергея Довлатова //

Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 36-42.

[2] Арьев А. Наша маленькая жизнь. Вступительная статья к "Собранию сочинений Сергея Довлатова в 3х томах". – Т. 1. - СПб.: Лимбус-пресс, 1993. С. 14.

[3] Довлатов С. Иностранка. М.: Азбука, 2013. – 160 с. Страницы цитат указаны из данного издания.

[4] Довлатов С.Д. Как издаваться на Западе? // Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. - СПб, 1996. С. 358-359.

[5] Плотникова А. Г. Традиции русской классической литературы в творчестве С.Д. Довлатова / дис. д. фил.наук: Москва, 2008. С. 182.

© Е.С. Воробьева, Н.И. Николаев, 2014

**М.В. Гавшина,
Н.Н. Каландарова,
ГГПИ им. В.Г. Короленко,
г. Глазов**

МЕТОДИКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ОШИБОК У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Вопрос о предупреждении и исправлении орфографических ошибок возник с зарождения методики обучения русскому языку.

В середине XIX столетия методике работы над орфографическими ошибками большое внимание уделяли Буслаев Ф.И., Срезневский И.И., Грот Я.К., Ушинский К.Д., Корф Н.А. Велика воспитывающая роль проверки знаний учащихся [2].

Однако разработка системы работы над орфографическими ошибками остается нерешенной проблемой.

Исправление ошибок понимается как использование учителем различных приемов и видов заданий в процессе работы над ошибками.

Работа над ошибками предполагает:

1. Предупреждение возможных ошибок при изучении различных тем курса на основе прогнозирования знания типичных ошибок и трудностей;

2. Обнаружение и исправление ошибок самими учащимися в различных текстах и отдельных словах, в устной и письменной речи на основе самопроверки и редактирования;

3. Исправление, учёт, классификацию ошибок учителем, с последующим обобщением и использованием данных как для общей диагностики и планирования работы в классе, так и для организации конкретной коллективной, групповой и индивидуальной работы учащихся над ошибками;

4. Организацию и проведение специальных уроков работы над ошибками, фрагментов работы над ошибками на разных уроках.

Сформулированные направления предусматривают работу с ошибками разных типов.

Так, Н.С. Рождественский выделяет пять групп орфографических ошибок:

1.Ошибки графические (пропуск, замена, перестановка, вставка букв или слогов);

2.Ошибки орфографические, т. е. ошибки против правил орфографии, соотносительной с произношением;

3.Ошибки на правила о слитном и раздельном написании слов;

4.Ошибки на правила об употреблении больших и малых букв;

5.Ошибки на правила переноса слов с одной строки на другую [3].

Цель исследования: выявление наиболее эффективных методических приёмов предупреждения и исправления орфографических ошибок младших школьников.

База исследования: МБОУ «Мысовская основная общеобразовательная школа», Кезского района, Удмуртской республики, 3 класс.

На формирующем этапе мы использовали следующие методические приёмы:

– Работа над ошибками;

– Составление перфокарт;

– «Рифмовки – запоминки» - ученики по орфограмме составляли небольшие стишки – рифмовки, по которым в дальнейшем прочно, осознанно и гораздо легче усваиваются орфографические правила. Например:

Чижи, ужи, ежи, стрижи,

Машины, шины, камыши –

Жирафы, мыши и моржи,

Запомни слоги ЖИ и ШИ [1].

– Метод ассоциаций;

– Составление ребусов по неверно написанному слову в диктанте;

– Нахождение орфограмм в пословицах;

– Сигнальные карточки;

– Запись словарных слов в тетрадь и составление с данным словом предложения.

Кроме указанных приёмов, для предупреждения орфографических ошибок использовалось выборочное комментирование (учащиеся объясняли, прежде всего, написание тех слов, в которых испытывали затруднение), проговаривали трудные для написания слова (хором, индивидуально), а также писали различные виды диктантов (предупредительный, объяснительный, выборочный).

В процессе формирующего эксперимента осуществляли промежуточный контроль знаний и умений учащихся. Результаты детских работ отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты промежуточного контроля

Уровни	Отметка	Словарный диктант, %	Текстовый диктант, %	Олимпиадная работа, %
Высокий	«5»	25	0	0
Средний	«4»	50	75	50
Низкий	«3 – 2»	25	25	50

Таким образом, планомерная работа по предупреждению и исправлению

ошибок в процессе эксперимента способствовала правильному применению школьниками орфографических правил в диктантах и олимпиадах, развитию их орфографической зоркости.

Литература и примечания:

[1] Бетенькова Н.М. Орфография, грамматика – в рифмовках занимательных. М., 1995. С. 28.

[2] Рамзаева Т.Г. Методические основы языкового образования и литературного развития младших школьников. СПб., 1996. С. 145.

[3] Рождественский Н.С. Обучение орфографии в начальной школе. М.: Учпедгиз, 1960.

© М.В. Гавишина, Н.Н. Каландарова, 2014

**Э.З. Гимаева,
Е.В. Евдокимова,**
БашГУ,
г. Уфа

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ СВАДЕБНОЙ ОБЯДНОСТИ В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ

Русский свадебный обряд представляет собой сложное явление, это комплекс, объединяющий элементы различного рода (ритуальные действия, предметы материальной культуры, песенный фольклор). Он состоит из четко обозначенных действий, каждое из которых обладает смысловой завершенностью и имеет собственную функцию. «Обрядовое (магическое) действие возникает как способ древнего принудительного воздействия на природу и человека. Этой своей стороной обрядовость отражает ещё доисторический «магический» способ мышления наших далёких предков. Однако в обрядах есть и другая сторона, значительно более важная: они являются могущественным средством национального воспитания и сплочения народа в одно духовное целое...а также средством связи живущих с предками» [1]. Приблизиться к пониманию народного мировидения, отраженного в обрядовой поэзии, позволяет диалектный язык, поскольку дошедшие до нас из глубины веков, сохранившиеся в живой диалектной речи лексемы и фразеологизмы осуществляют связь поколений на основе культурно-исторической памяти.

Свадебные обряды делятся на три периода: досвадебные, обряды дня свадьбы и послесвадебные. К *досвадебным* обрядам относятся сватовство, смотрины невесты, «счёт колышек» (осматривание хозяйства жениха), девичник, «неделя» (жених приезжает с подарками) и др.; в *день свадьбы* происходило одевание невесты, приезд жениха, выкуп стола, венчание, расплетание косы, свадебный пир, дары; *после свадьбы* будили утром молодых и ехали к теще на блины или «искали ярочку». Порядок частей свадебного обряда может меняться.

На основе «Словаря русских говоров Башкирии» под редакцией З.П. Здобновой с привлечением данных «Словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина мы проанализируем диалектные слова и фразеологизмы,

характеризующие свадебную обрядность. Наш материал включает лексику и фразеологию свадебного обрядового комплекса (сватовство, смотрины, девичник, свадебный пир и т.д.), а также наименования свадебных атрибутов и участников свадьбы.

Свадзіць, или на *сглядзішкі*, *разглядзіны* т.е. сватать, старались приходить после захода солнца, чтобы не было сглаза, или «не хотели, чтобы кто-либо «перешёл дорогу» – опередил, заслал своих сватов к той же невесте» [2]. Свата узнавали по обрядовым поступкам: «входя в дом, он проходил к печи и брякал печной заслонкой» [1]. Разговор начинался издали, в иносказательной форме: «Ищем овечку, не заблудилась ли», «у вас товар, у нас купец» и т.д. Родители невесты обычно с ответом не спешили. Согласие девушки на брак не требовалось, всё решали родители. Если же они считали жениха неподходящим (молод или недостаточно материально обеспечен), то ему отказывали: заставляли чистить картошку или подносили недозревшую грушу. В народе говорили *арбуз покати* или *потянули*: *Арбус пѣкати* – не отдали девушку за етѣва парня. Если же невесту просватали, говорили, что она *заморозила веришину*. Смотрины невесты, а также хозяйства жениха обычно устраивали после сватовства. Но бывало, что жених сам ходил высматривать невесту, прежде чем засылать сватов, или приглядывал себе девушку на *игришнике* – обряде, который проходил после Рождества в течение 12 дней и сопровождался переодеванием, шутками, весельем.

Девичник обычно устраивался за день до свадьбы. На *золѣвки*, или *вечѣрку*, или *поцѣловки* (вечеринку) приходили подружки. Слово *вечѣрка* имеет ещё значение «собрание девушек для подготовки приданого», и помогали невесте не только близкие подружки – *банницы*, но и *пристяжки*, «не коренные»: «*Банницы шѣют, вяжут нѣ невесту, к свадѣшью готовили, наряды для мужа, перину, наволоки, рубаху большому и малому бойарину. Банницы казали сряду невесты, ходили поулѣы, они песни йей пели*». Иногда вечеринка с подружками проходила раньше, и после девичника следовало *обручение*, на которое собиралась невестина родня и *пировала чужбѣнку* по поводу ухода невесты в дом жениха.

После приезда свадебного поезда, вывода за стол невесты и небольшого застолья следовал отъезд к венцу. Венчание было одним из самых значительных христианских обрядов, так как брак являлся законным только после венчания и записи в церковной метрической книге. Это объясняет наличие в диалектах большого количества лексем, связанных с этим обрядом: *привенчатѣ*, *брачѣться*, *завенчатѣся*, *овенчатѣся*: «*Бывала звѣнчяйут' нас – и гуляем*».

Одним из наиболее распространённых свадебных обычаев многих стран мира является покрывание головы и лица невесты. Брак – это символическая смерть невесты, и покрывание «наделяет ее ритуальной слепотой – признаком иного мира... С одной стороны, покров предохранял невесту, находящуюся в пограничном состоянии, от влияния враждебных сил, а с другой – был необходимым средством профилактики от опасной силы, исходящей от самой невесты, временно пребывающей в «ином» мире» [3]. Свадебный головной убор невесты в народе имеет несколько названий: *фатка*, *оваль*, *венок*, *увал* (состоит из венка и прикреплённой к нему белой тонкой накладки), *колтак* (обычно сплетён из соломы и украшен разноцветными лентами и лоскутками), а *честный колтак* – это головной убор для «честной девушки».

На русской свадьбе всегда было очень много гостей – *свадебьянов*,

посмотреть на невесту сбегалась вся деревня. Конечно же, не обходилось без помощников жениха – *дружки, подженщиника, соцкого, полдружек*. У родственников и гостей со стороны невесты были свои обязанности: *рушельник* играл роль тамады, ему дарили вилку и нож; *повозник* вёз молодых к венцу, *постельник* и *постельницы* сопровождали постель невесты до дома жениха. Этапы свадебных обрядов условно можно разделить на два вида: проводимые в доме жениха и проводимые в доме невесты. В первый день свадьбы в доме жениха был пир, который называют *горной* – в честь приезда *горных*, близких родных невесты. *Горными* также величали и родню жениха на девичнике, и гостей у молодых на другой день после венчания, и самих молодых на второй день свадьбы. Проверить, хороша ли хозяйюшка, гости могли на *угощатнице* – так называли угощение курником в последний день свадьбы в доме невесты.

Свахам на свадьбе отводилась особая роль: одна встречала свадебный поезд, вторая провожала постель невесты, третья стелила постель... Поэтому у каждой из них – своё название: большая, встречальная, княжая, постельная, сваха-коробейщица и др.

Наше исследование показало, что в русских говорах (в том числе и в Башкирии) сохраняются группы слов и фразеологизмов, связанных с различными сторонами свадебного обряда. Фразеология в большей степени связана с ритуальными действиями (*арбуз покатили, пировать чужбинку*), а лексика характеризует участников свадьбы (*банницы, повозник*), атрибутику (*увал, колпак*), называет составляющие свадебного комплекса (*сгладышки, игришник*). Замечательно, что информаторы донесли до нас широкий пласт уникальных, удивительных диалектных слов, которые воплощают народную память о свадьбе как об одном из самых главных событий в жизненном круге человека.

Литература и примечания:

[1] Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьеге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.

[2] Брянцева Л.И. Традиционная свадьба в селе Отрада Кумертауского района БАССР // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1976. С. 195 – 211.

[3] Тучина О.А. Семантика ритуально-магических действий свадебного обряда (по материалам Пинежского района Архангельской области) Электронный ресурс. / О.А. Тучина // http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_tuchina1.htm

© Э.З. Гимаева, Е.В. Евдокимова, 2014

***А.В. Еськова,
Е.В. Селедкина,
ЧГУ,
г. Череповец***

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В МАЛЫХ ГРУППАХ

В центре внимания лингвистики на современном этапе находится «человек говорящий». Огромное значение в его жизни имеют эмоции, чувства,

которые неизбежно отражаются в языке речи. Не случайно так разнообразны русские антропонимы с эмоционально-экспрессивной точки зрения.

Цель данного исследования: выявить особенности функционирования антропонимов в малых группах.

Задачи:

- проанализировать литературу по данной теме;
- провести лингвистический эксперимент с целью выявления типичных форм образования антропонимов и окказиональных.

Исследование проводилось в малых группах, которые мы вслед за Г.М. Андреевой определяем так: «это немногочисленная по составу группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов».

Именно в таких малых группах преобладает неофициальное, эмоциональное общение.

Русские антропонимы с эмоционально-экспрессивными компонентами значения привлекли внимание целого ряда ученых [Суперанская А.В., А. Вежбицкая, Ермолович Д.И., Петровский Н.А., Медведева К.М.]

В работе Медведевой К.М. отмечается, что на современном этапе развития антропонимики описание эмоционально-оценочной коннотации в антропонимах является актуальной задачей. Это обусловлено тем, что выбор того или иного аффикса личного имени напрямую связан с социальной и культурной сферой жизни общества.

Русская антропонимия характеризуется наличием в ней большого количества формообразующих средств, разнообразностью форм субъективной оценки и обилием эмоциональных оттенков в данных формах [2].

Исследователь А.В. Суперанская выделяет целый ряд форм с суффиксами субъективной оценки, которые в зависимости от характера отношений/эмоций, оценки сопровождают обращение к собеседнику [3, с. 127]:

1) неофициально – нейтральные имена представлены типичными, бытовыми именами, не сопровождающимися ярко выраженной экспрессией. Наиболее употребительными формами в русском языке являются имена с аффиксами – а, – е и суффиксами – ша,- ня, – ка (при обращении к детям, молодежи и в среде сверстников). Если данное обращение используется по отношению к взрослым, то оно приобретает фамильярно – нейтральную окраску (Таня, Коля, Саша, Витя, Аня)

2) ласкательные имена, как правило, передают отношения ласки, теплоты, симпатии, любви, дружбы. Для их образования используются суффиксы – очка (-ечка), – онька (-енька), – ушка. (Верочка, Юлечка, Коленька).

Для образования уменьшительно-ласкательных форм антропонима наиболее частотными в употреблении являются следующие модели:

а) Присоединение суффиксов к полной или усеченной форме имени собственного, ср.: Антон – Антоша, Антошка, Антошенька, Людмила – Люда, Людочка, Людаша, Павел – Павлик, Павлуша, Павлуня.

При использовании данной модели наиболее распространенными являются следующие уменьшительно-ласкательные суффиксы: -к, -еньк, -ушк, -юшк, -очк, -ечк. Например, от полной формы имени Мария и Марья образуются

уменьшительные Маруся, Маруня, Марьяша, Марюня, Марюша и Марьюшка; от краткой формы Маша – Машка, Машенька, Машуня, Машута, Машуля; от краткой формы Маня – Манечка, Манюся, Маняша и т. п.

б) Использование усеченной формы основы имени собственного, ср: Артём – Тёма, Геракл – Гера, Михаил – Миша. Большое распространение эта модель получила в последние десятилетия под влиянием западных форм общения, ср.: Александр – Алекс, Максим – Макс и др.

в) Образование окказиональных форм имен собственных или подмена другими именами, ср.: Артём – Артемон, Тимон, Елисей – Лисёнок. Данная модель оперирует не словообразовательными, а «ассоциативными» тактиками при производстве уменьшительной формы антропонима.

Уменьшительные имена, как правило, не употребляются в официальном общении, так как имеют стилистическую окраску и несут эмоционально-оценочную нагрузку.

3) морально – уничижительные имена служат для выражения презрения, злобы, пренебрежения и образуются при помощи суффикса – ка (Пашка, Витька, Толька, Димка). Зачастую формы с отрицательным оттенком, как, например, Танюха или Илюха могут употребляться ласково, шутливо, выражать грубоватую нежность.

Находясь в определенных отношениях с адресатом и называя его Евгений, Женя, Женечка, Женька, Жека, говорящий стремится передать все оттенки возникшего между собеседниками чувства (ласкательность, теплоту, близость, симпатию, любовь и дружбу) и все перемены в отношениях между ними, что является одной из характерных черт русской культуры.

Следует также отметить, что русские формы имен типа Володя, Илюша, Машенька в отличие от английских имен Tommy или Eddic могут употребляться не только по отношению к детям, поскольку в русском языке не существует запретов для выражения любви и теплого отношения к взрослому человеку. Так Мария остается Машенькой для своих родных и близких на протяжении всей своей жизни.

Для многих имен, в особенности для тех, у которых основа краткой формы заканчивается на твердый согласный, для образования ласкательных форм наиболее распространено использование суффикса – очка: Людочка, Юрочка, Любочка и др. Основное значение данного суффикса уменьшительно-ласкательное, передает теплые чувства, испытываемые к адресату.

Суффикс – енька во многих формах русских имен играет ту же структурную и функциональную роль, что и суффикс – очка: Мишенька, Коленька и др. Поэтому имена на – очка и на – енька относят к одному прагматическому уровню.

Имена на – уша (Веруша, Андрюша, Павлуша) имеют двойственную природу, будучи иногда ласкательными, а иногда и фамильярными, лишёнными какой-либо теплоты, в зависимости от сферы своего употребления.

Анна Вежбицкая, описывая экспрессивную деривацию русских имен, отмечала, что в русской культурной традиции исключительно важную роль играет степень интимности личных отношений[1, с.49]. Поэтому функционирование антропонимов мы исследовали в малых группах: семья, класс, студенческая группа, друзья.

Формообразование русских антропонимов исследовано в речи 115 человек, из которых:

- 30 второклассников;
- 25 семиклассников;
- 25 десятиклассников;
- 25 студентов 2-го курса Института педагогики и психологии ЧГУ.

Опрос показал, что у всех респондентов в речи наблюдается наличие большого количества формообразующих средств, разнообразных форм субъективной оценки и обилие эмоциональных оттенков. Имена собственные преобразованы в эмоционально оценочные слова с разнообразными суффиксами.

1) В ходе исследования выяснили, что большую группу составляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами для передачи разнообразных эмоций, ласки, теплоты, симпатии, любви, дружбы. Среди них самые продуктивными являются **в малой группе «Семья»** суффиксы:

-еньк (Пашенька, Лизенька, Ксюшенька).

Во 2-м классе -7 антропонимов, в 7-м классе – 4, в 10-м классе -2, на 2-м курсе - отсутствует.

Таким образом, -еньк характерен для малой группы «семья» по отношению к детям младшего возраста.

-юш (Ванюша, Катюша, Танюша).

Во 2-м- 1 антропоним, в 7-м-2, в 10-м – 2, на 2-м курсе – 4. Данный суффикс преобладает по отношению к повзрослевшим детям.

-ечк (Анечка, Сонечка, Олечка).

Во 2 – м классе – 4 антропонима, в 7-м – 2, в 10-м – 2, на 2-м курсе – 3.

Но вместе с тем надо отметить, что для уменьшительно - ласкательных форм в малой группе «семья» могут использоваться окказиональные формы имени собственного такие, как: Алена-Лелька, Лялька, Наташа-Наталек, Зоя-Зая, Аня – Нюша, Нюта.

Неофициально – нейтральные имена лидируют по частотности употребления среди опрошенных. Так в речи родителей определено во 2-м классе – 5 антропонимов, в 7-м – 9, в 10-м – 14, на 2-м курсе – 8. Эти формы в основном служат для передачи фамиллярно – субъективных, близких отношений. Они употребляются в среде молодежи, детей и взрослых, связанных с детьми.

2) **В малой группе «Друзья»** наряду с неофициально-нейтральными именами (Вика, Арина, Настя), которых насчитано во 2-м классе – 13 антропонимов, в 7-м – 14, в 10-м – 15, на 2-м курсе – 8, есть наименования по типу «рабочая бригада» (Артурыч, Темыч, Лерыч), также использование усеченной формы основы имени собственного (Егор – Ега, Ксюша – Ксю, Руслан – Руся, Кирилл – Киря, Наташа – Ната, Артур – Арти) Во 2-м-классе – 7 антропонимов, в 7-м – 10, в 10-м – 7, на 2-м курсе - 10. Появляются новые формы имен - неологизмы (Дима – Димон, Димас, Оля – Олик, Ольчик, Аня – Анютис, Костя – Костян, Юра – Юрян, Юрец, Юрик, Юля – Юся, Вика – Викушик, Ксюша – Ксюнчик, Алина – Алинуся, Маша – Махач, Ваня – Ваню, Лера – Лерчик, Алена – Аленчик).

Формы с отрицательным оттенком, как, например, Танюха, Кирюха, Ксюха, употребляются ласково, шутливо, выражают грубоватую нежность. Присутствуют в 10-м классе – 6 антропонимов и на 2-м курсе – 3. Во 2-м и 7-м

классах не зафиксировано.

И, наконец, морально-уничижительные суффиксы также преобладают в речи друзей, имея шуточный характер.

Чаще всего употребляется суффикс –к (Пашка, Наташка, Машка). Во 2-м классе – 4 антропонима, в 7-м – 2, в 10 – 3, на 2-м курсе – 9).

3) В малой группе «Одноклассники/одногоруппники». Доминируют неофициально – нейтральные имена. Во 2-м классе – 21 антропоним, в 7-м классе – 19, в 10-м – 16, на 2-м курсе – 24).

Морально-уничижительные имена с суффиксом –к: во 2-м классе – 2 антропонима, в 7-м – 1, в 10-м – отсутствуют, на 2-м курсе – 3).

Использование усеченной формы основы имени собственного (Киря, Тема, Руся). Во 2-м классе – 2 антропонима, в 7-м – 6, в 10-м – 2, на 2-м курсе отсутствуют).

Наряду с ними используются ласкательно-уничижительные или фамильярные суффиксы (Танюха, Ксюха, Леха). Во 2-м классе – 2 антропонима, в 7-м – 4, в 10-м – 6, на 2-м курсе – 1).

Современная тенденция развития антропонимов – это произношение имен собственных на иностранный манер (Наташа-Натали, Маша – Мэри, Оля – Хельга, Саша – Алекс, Денис – Дэн).

Использование полных имен (Валерия, Елена, Виктория) характерно для речи учителей по отношению к обучающимся.

Таким образом, наука антропонимика развивается вместе с обществом. В нашем исследовании было проанализировано 115 имен респондентов 4 возрастных групп.

Типичными моделями, по которым построены антропонимы в малых группах, являются: неофициально-нейтральные имена; ласкательные имена; уменьшительно-ласкательные формы антропонимов (наиболее частотными в употреблении являются следующие модели: присоединение суффиксов к полной или усеченной форме имени собственного, использование усеченной формы основы имени собственного); морально-уничижительные имена, имеющие шуточный характер; формы с отрицательным оттенком, употребляющиеся ласково, шуточно, выражающие грубоватую нежность. Это отмечено и в работе А.В. Суперанской.

Вместе с тем необходимо определить и отличия. Так, только в малой группе «Друзья» есть модель, которую мы назвали «рабочая бригада» и модель «неологизмы». Исключительно в малой группе «Семья» используются окказиональные формы имени собственного.

Исследование доказало, что русская антропонимика характеризуется наличием в ней большого количества формообразующих средств, разнообразностью форм субъективной оценки и обилием эмоциональных оттенков.

Литература и примечания:

[1] Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. / Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой – М.: Русские словари, 1996.

[2] Медведева К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов

квалитативных форм русских антропонимов [Текст] / К. М. Медведева // Молодой ученый. – 2013. – №7. – С. 487-490.

[3] Суперанская А. В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. – М.: Наука, 1969.

© А.В. Еськова, Е.В. Селедкина, 2014

**А.Т. Казыханова,
И.Ф. Зарипова,
БашГУ,
г. Уфа**

МӨХӘММӘТ МӘҖДИЕВНЕҢ “БЕЗ – КЫРЫК БЕРЕНЧЕ ЕЛ БАЛАЛАРЫ” ПОВЕСТЕНДӘ ЭВФЕМИЗМНАР

Кешелек тарихының ижтимагый аң үсеше түбән булган чорларда сүзнен тылсымлы көченә ышанудан барлыкка килгән табу күренеше әйтергә ярамаган сүзләргә алыштыру өчен әйтергә яраганнарын эзләргә мәҗбүр иткән. Шулай итеп табулашкан сүзләр урынына эвфемизмнар (грек. euphemismos < eu – яхшы, әдәпле, + rheimio – сөйлим) барлыкка килгән. Тел белемендә турыдан-туры әйтүе уңайсыз, әдәпсез, тупас килеп чыгу ихтималы булган сүзләргә алыштыра торган сүз, яки тәгъбирләрне эвфемизм дип атыйлар [2:82]. Димәк, хәзерге тел эвфемизмнарның тамырлары ерак гасырларга кайтып кала.

Лингвистик планда эвфемизмнарны 19 гасырда өйрәнә башлыйлар. Немец лингвисты Г.Пауль эвфемизмнарның семантик төрләрен аерып чыгара. Эвфемизация мәсьәләсе бигрәк тә узган гасырның 60-80 елларында популярлаша. Бу мәсьәләгә багышланган С.Видлак, Дж.Лоуренс, Ю.С.Баскова, Л.Н.Вавилова, М.Л.Ковшова, Л.П.Крысин, Б.А.Ларин, В.П.Москвин, Ю.В.Парашенко һ.б.ларның хезмәтләрен атарга мөмкин.

М.Мәҗдиевнең әсәрләре эвфемистик синонимнарның төрлелегә белән аерылып тора, автор тарафыннан кулланылган бу чаралар әсәрләргән телен баета, гадәти көнкүрештәгә әйберләргә тасвирлауда отышлы алым булып тора. Әйтик, кешенең физиологиясен, физиологик эшчәнлеген, аның соматик халәтен, тышкы кыяфәтен, акыл эшчәнлеген, эмоциональ халәтен сурәтләүче әдәплелек максатлары белән бәйлә булган эвфемизмнар әсәрдә бик уңышлы кулланылган.

М.Мәҗдиев әдәплелек максатларын саклап Аркадий Пермяковның чыннан да рус малае икәнән түбәндәгечә тасвирлый: *Бөтен булган аермасы - фамилиясендә һәм ...су коенгандагына күренә (15 бит)*. Чамасыз тулы гәүдәле кешенең физиологиясен сурәтләгәндә, автор мондый эвфемизм куллана: *Сигез тапкыр ияген тимергә тиерәм дип бәхәсләшеп менсә, аңа әлеге дә баягы үзенең төп байлыгы комачаулады: аның кыстырып куйган күлмәк итәкләре суырылып чыккан, чалбар каешы шактый түбән төшкән иде (35 б.)*.

Гадәти көнкүрештә бөтен кеше дә белмәскә тиеш физиологик эшчәнлеккә караган әйберләргә белдергән эвфемизмнар да әсәрдә байтак: *Чирәмгә чыгарып салгач, Гыйззәтуллинның иң беренче эше - сеанс алдыннан алып ашаган сигез порция мороженодан һәм әлеге инфузорияләрдән арыну булды (36*

б.).Беркөнне, имеш, географ бу дәфтарга үзенәңбер әсиргә чыгып киткәннен һәм эшен бетереп кергәннен өч минут аерма белән язып куйган, ди (44 б). Тавышы теткиләнде, вак-вак кисәкләргә таркалды, берөзлексез **борыныннан акты** (36 б.).

Сугыш чоры малайларының акыл эшчәнлеген автор *Миләрдә ике-өч кенә тирән сыр бар* (12 б.) дип тасвирлый, әмма бу сырларның берсе – канкойгыч сугыш, икенчесе – ашау турында икәнлеген ачылгач, эвфемизмның отышлылыгын дәлилләп.

Сөйләм эшчәнлегенә караган **чыбыркы очын шартлата** эвфемизмы бик каты тиргәү, әрләү процессын безаз йомшартып тасвирлый: *Хәтта тарихчыга даӘлтафи чыбыркы очын шартлата* (58 б.).

Кешенәң эмоциональ халәтен белдерүче эвфемизмнарда түбәндәге мисалны атап була: *Шулай класска керә алмыйча, ул ишегалдында мәктәп белән ике арадакиләп сарып шактый йөрдө* (52 б.) (киләп – орчыктан махсус агачка сарып, чуалмасын өчен, бәйләм итеп уралган жеп, ягъни, киләп-жеп, үлчәү берәмлеге буларак безгә таныш (3 метр чамасы)).

Шулай итеп, М.Мәдиев сугыш чоры яшүсмерләренәң ачы язмышын, аларның хис-кичерешләрен, ачлык елларын, кайгылы чакларын сурәтләгәндә, тупас, дорфа яңгырардай сүзләргә алыштырган әдәплә сүзләр – эвфемизмнар әсәргә үзгә бер төрле жылылык өсти. Әсәрнең самими, үзгәлекле юмор хис белән сугарылып, укучылар күңеленә хуш килерлек итеп язылуында да әлеге тел чараларының әһәмияте бик зур.

Кулланылган әдәбият исемлеге:

[1] Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге. Т. I-III – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977-1981.

[2] Салимов Х. Тел гыйлеменәң терминнар сүзлеге. – Алабуга: Татарстан китап нәшрияты, 2011. – 88 б.

[3] Сафиуллина Ф.С., Зәкиев М.З. Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: “Мәгариф” китап нәшрияты, 2002. – 407 б.

[4] Парашенко Ю.В. Явление эвфемии в современном русском и английском языках. – Уфа, 2009. – 90 с.

[5] Мәдиев М. С. Сайланма әсәрләр. Т. I. - Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009.

© А.Т. Казыханова, И.Ф. Зарипова, 2014

**А.Н. Калинина,
Н.Н. Каландарова,
ГТПИ им. В.Г.Короленко,
г. Глазов**

ТЕСТЫ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ ЧТЕНИЮ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Приоритетным направлением новых образовательных стандартов является реализация развивающего потенциала образования, обеспечивающая такую

ключевую компетенцию, как «научить учиться». Достижение данной цели становится возможным благодаря формированию универсальных учебных действий.

Универсальные учебные действия группируются в четыре основных блока [1]:

- личностные;
- регулятивные;
- коммуникативные действия;
- познавательные.

Познавательные учебные действия предполагают умение:

- осознавать познавательную задачу;
- читать и слушать, извлекая нужную информацию, а также самостоятельно находить её в материалах учебников, рабочих тетрадей и другой дополнительной литературе;
- осуществлять для решения учебных задач операции анализа, синтеза, сравнения, классификации, устанавливать причинно-следственные связи, делать обобщения, выводы;
- выполнять учебно-познавательные действия в материализованной и умственной форме;
- понимать информацию, представленную в изобразительной, схематичной, модельной форме, использовать знаково-символические средства для решения различных учебных задач.

Именно на уроке литературного чтения младшие школьники учатся так работать с художественным произведением, чтобы осознать тему и совокупность смыслов текста, подружиться с героями, восхититься богатством и красотой русского слова. Познавательные учебные действия у младших школьников будут формироваться наилучшим образом в процессе выполнения тестовых заданий.

Тесты развивают у детей способность полноценно воспринимать художественное произведение, сопереживать героям, чувствовать слово, понимать образный язык, видеть, какими выразительными средствами пользуется тот или иной автор. Разнообразие формулировок в тестовых заданиях развивает остроту ума и гибкость мышления, требует предельной внимательности и собранности. Наличие ответов в тестах позволяет ученикам объективно оценить свои знания, воспитать способность самооценки, что окажет положительное влияние на развитие самостоятельности [2].

В период педагогической практики на констатирующем этапе (база исследования: Удмуртская Республика Балезинский район «МБОУ Юндинская школа», 3 класс, УМК «Школа 2100»).было проведено 2 теста : тест №1 по содержанию стихотворения Б. Заходера «Перемена »; тест № 2 по содержанию повести Г. Куликова «Как я влиял на Севку». Результаты констатирующего эксперимента показали, что дети умеют рифмовать слова (75%), раскрывать лексическое значение слов (65%); не умеют выделять главную мысль текста (45%), характеризовать героев (55%), не умеют предполагать (придумывать продолжение истории) (77%).

Цель формирующего эксперимента: разработать программу развития познавательных универсальных учебных действий у младших школьников на уроках литературного чтения на основе использования тестов.

Таблица 1 – Тематическое планирование уроков:

	Тема урока	Тесты	Познавательные УУД
1	«Поёт зима аukaет»	обучающий (6 заданий)	- умеют раскрывать лексическое значение слов;
2	«Наполним музыкой света»	тематический (8 заданий)	- Умеют сравнивать персонажей одного произведения и персонажей из разных произведений; -Умеют предполагать;
3	«Мой дом»	тематический (5 заданий)	-умеют рифмовать слова; - умеют выделять главную мысль текста;
4	«Мы с мамой и папой»	обучающий (10 заданий)	- умеют характеризовать героев; -умеют выделять главную мысль текста;
5	«Волшебник. Изумрудного города»	итоговый (11 заданий)	- умеют раскрывать лексическое значение; - умеют выделять главную мысль текста;

Тестовые задания помогли осуществить проверку самостоятельного чтения, сформировали умение просмотрового чтения, расширили читательский опыт младших школьников.

Выполнение тестовых заданий по литературному чтению научило младших школьников получать информацию, преобразовывать её, использовать в жизненных ситуациях, а значит, сформировало познавательные универсальные учебные действия.

Литература и примечания:

[1] Климанова Л.Ф. Литературное чтение. Рабочие программы. Предметная линия учебников системы «Школа России». 1-4 классы: пособие для учителей образовательных учреждений / Л.Ф. Климанова, М. В. Бойкина. - 2-е изд. - М.: Просвещение, 2011. - С. 8 .

[2] Фролова Л.А. Тесты по литературному чтению как средство развития познавательных универсальных учебных действий младших школьников. Журнал начальная школа плюс до и после. М. - 2012 .- № 8. - С.53.

© А.Н. Калинина, Н.Н. Каландарова, 2014

*Ю.В. Корнейчук,
И. Сафронова,
П. Чубак,
М. Кузьменок
ФГБОУ ВПО НВГУ,
г. Нижневартовск*

«РУССКАЯ ГРАММАТИКА» М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ТРУД В РАЗВИТИИ РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Л.Л. Нелюбин указывает, что с «XVIII века можно говорить о включении русской лингвистической традиции в европейскую в двух отношениях. Во-первых, работы, созданные в странах Западной Европы, достаточно быстро становятся известны русским ученым и используются ими при разработке собственных концепций. Во-вторых, основные тенденции развития науки о языке в самой России во многом перекликаются с европейскими, хотя отнюдь не просто механически повторяют их» [1].

«Русская лингвистическая терминология, – отмечает А.И. Моисеев, – по крайней мере, в ее грамматической части, традиционно возводится к античным, греколатинским истокам. Но русская лингвистическая терминология прошла большой и содержательный путь самостоятельного развития. Значительным этапом на этом пути была первая половина XIX века» [2].

В конце XVIII – первой половине XIX века изучение русского синтаксиса шло по нескольким направлениям: самостоятельное построение и классификация национальных особенностей и признаков русского грамматического строя, а также перенос утвердившихся на Западе грамматических теорий в Россию. В.В. Виноградов указывает, что «процесс закрепления норм национального русского литературного языка сопровождался усиленной научно-общественной работой над созданием и осознанием его живой грамматической системы» [3].

По словам Л.П. Рупосовой, что «терминология синтаксиса сложилась позднее, чем терминология фонетики, лексикологии и морфологии. Это объясняется тем фактом, что первоначально синтаксические категории рассматривались не в грамматике, а в логике, а само понятие долго было расплывчатым и нечетким» [4].

Как отмечает Т.А. Амирова, рассматривая лингвистическую деятельность Ф. де Соссюра, в языкознании XVIII превалировал синхронный, или описательный метод [5].

С самого начала научного исследования синтаксис русского языка основывается на признании необходимости рассмотрения именно «речи», или предложения и в равной мере на теории и практике «словосочинения», то есть на объединении различных слов в сложное смысловое единство и грамматическом описании этого процесса.

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова являет собой цельный грамматико-теоретический труд. Это просматривается как в целом в рассмотрении русского языка грамматистом, так и в методе характеристики грамматических категорий. В своем научном труде М.В. Ломоносов дает

характеристику книжному русскому языку. Ф.Б. Иноятова отмечает, что «Ломоносов заложил основания русской технической и научной терминологии» [6].

«Российская грамматика» состоит из шести «наставлений», посвященных различным разделам языка: «О человеческомъ словѣ вообще», «О чтеніи и правописаніи российскомъ», «О имени», «О глаголѣ», «О служебныхъ частяхъ слова», «О сочиненіи частей слова». Из шести наставлений, включающих в себя область фонетики, морфологии и синтаксиса, наименее разработана как раз последняя, включающая в себя только последнее, шестое наставление. Само «наставление шестое» подразделяется на следующие главы:

- 1) о сочиненіи частей слова вообще;
- 2) о сочиненіи имени;
- 3) о сочиненіи глаголовъ;
- 4) о сочиненіи вспомогательныхъ частей слова;
- 5) о сочиненіи частей слова по разнымъ обстоятельствамъ.

Следует отметить, что, по мнению В.В. Виноградова, в «русском дореволюционном языкознании вопросы синтаксиса в трудах Ломоносова по грамматике и риторике почти не были предметом внимательного изучения» [7]. В качестве подтверждения данного тезиса лингвист приводит монографию русского языковеда С.К. Булича «Очерк истории языкознания в России: XIII – XIX века», где автор подробно рассматривает новаторство М.В. Ломоносова в области орфографии, описания звуков речи и способа их произведения, грамматической терминологии, но не затрагивает область синтаксиса [8].

Согласно С.В. Смирнову, «Российская грамматика» «имеет две особенности. Первая заключается в том, что она основана на индуктивном методе. Не имея предшественников в создании русской грамматики, Ломоносов должен был выводить правила русского языка непосредственно из фактов живого употребления, из тех многочисленных примеров, которые были собраны им самим. Вторая особенность грамматики – ее нормативно-стилистический характер» [9].

Развернутое учение о предложении представлено в «Риторике» («Краткое руководство к красноречию») М.В. Ломоносова. Учение о предложении тесно связано с логической теорией о суждении.

Когда началось создание русской научной терминологии, язык науки был весьма разнообразным и пестрым. Решение задачи упорядочения научного языка взял на себя М.В. Ломоносов. А.М. Камчатнов указывал, что «создавая научную и техническую терминологию, Ломоносов придерживался правила, которое не устарело и сегодня и которое можно сформулировать так: из других языков ничего ненужного не вводить, а нужного не оставить» [10].

Сочетание, или «сочинение частей слова» в научном труде М.В. Ломоносова представляется читателям в виде правил сочетания слов в предложении согласно принципам связи согласования и связи управления. «Устанавливая правила сочетания слов, - отмечает В.В. Виноградов, - Ломоносов приходи к выводу о наличии разных степеней грамматической обобщенности и абстрагированности форм словосочетания» [11].

Автор «Российской грамматики» в своем научном труде старается не

прибегать к такому приему показа однотипности синтаксической конструкции, как простое перечисление слов, которые ее определяют.

Таким образом, «Российская грамматика» М.В. Ломоносова считается исследователями первой научной грамматикой русского языка. До 20-х-30-х годов XIX века, до появления грамматик А.Х. Востокова и Н.И. Греча, по мнению В.В. Виноградова, период в истории разработки русского синтаксиса можно и должно назвать «ломоносовским» [12].

Литература и примечания:

[1] Нелюбин, Л.Л. История науки о языке: учебник [Текст] / Л.Н. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 376 с. С. 124.

[2] Моисеев, А.И. Первая половина XIX как этап формирования современной русской лингвистической терминологии [Текст] / А.И. Моисеев // Лингвистическая терминология в советском языкознании. – Н.Новгород, 1991. – С. 62-63. С. 62.

[3] Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений: Учеб.пособие [Текст] / Сост. Ю.А. Бельчиков; Предисловие Ю.А. Бельчикова; Вступит. статья Ю.В. Рождественского. Изд. 2, испр. и доп. – М.: высшая школа, 2005. – 559 с. С. 81.

[4] Рупосова, Л.П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке: Учебное пособие [Текст] / Л.П. Рупосова. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. – 80 с. С. 48.

[5] Амирова, Т.А. и др. История языкознания: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; Под ред. С.Ф. Гончаренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 972 с. С. 19.

[6] Иноятова, Ф.Б. Толкование терминов в трудах Ломоносова [Текст] / Ф.Б. Иноятова // Лингвистическая терминология в советском языкознании. – Н.Новгород, 1991. – С. 32-33. С. 32.

[7] Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений: Учеб.пособие для филол. специальностей ун-тов [Текст] / Сост. Ю.А. Бельчиков; Предисловие Ю.В. Рождественского. – М.: Высшая школа, 1978. – 367 с. С.

[8] Булич, С.К. Очерк истории языкознания в России: XIII-XIX вв. [Текст] / С.К. Булич. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 1104 с. С. 214.

[9] Смирнов, С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.: Справочное пособие [Текст] / С.В. Смирнов. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 336 с.С. 13.

[10] Камчатнов, А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб.заведений [Текст] / А.М. Камчатнов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005 – 688 с. С. 349.

[11] Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1958. – 400 с. С. 18.

[12] Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1958. – 400 с. С. 31.

© Ю.В. Корнейчук, И. Сафронова, П. Чубак, М. Кузьменок, 2014

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ ИЭНА МАКЬЮЭНА «НА БЕРЕГУ»

Иэн Макьюэн – один из популярных современных писателей Англии. Он приобрел известность благодаря таким произведениям, как «Цементный сад» (1978), «Амстердам» (1998), «Искушение» (2001), «Суббота» (2005). В одном из своих романов – «На берегу» (2007), где речь идет об отношениях между молодоженами, автор рассказывает об изменениях в обществе в начале шестидесятых годов XX века на пороге сексуальной революции.

О.А. Джумайло называет роман «На берегу» «камерным романом». По мнению исследователя, как и большинство произведений Макьюэна, «На берегу» можно отнести к исповедальному роману, в котором воспоминания героя сопряжены с чувством стыда и вины. О.А. Джумайло отмечает, что для современного исповедально-философского романа характерно осмысление жизненного опыта через боль и страдание, которые возникают из ощущения катастрофичности бытия и трагической хрупкости человека [1].

А.А. Федоров указывает на то, что творчество Макьюэна тесно связано с традициями английской реалистической прозы XIX века и называет роман «На берегу» типичным «английским» романом. Он характеризует произведение как аналитический психологический этюд об отношениях между мужчиной и женщиной. По мнению А.А. Федорова, герои попадают в неразрешимую ситуацию, потому что находятся в плену общепринятых условностей и правил поведения. Он отмечает, что большинство произведений Макьюэна относятся к эпохе постмодернистского романа, но являются модификацией классического психологического романа, а также несут в себе черты социально-бытового романа. А.А. Федоров определяет характерные признаки психологического романа: взгляд на одни и те же события с различных точек зрения, психологическая трактовка взаимоотношений персонажей и раскрытие характеров через художественную деталь [3].

В то же время более детальный и подробный анализ художественных средств позволяет раскрыть своеобразие произведения Макьюэна как образца психологического романа.

Изображение персонажей в сопоставлении с природой – одно из важнейших художественных средств у Макьюэна. В романе «На берегу» молодожены не случайно проводят свой медовый месяц именно рядом с пляжем. Действие романа начинается с того момента, когда герои попадают в совершенно другую для них среду – из городской атмосферы на лоно природы. Эдуард и Флоренс мечтают о том, как они будут гулять по берегу, дышать свежим воздухом. Берег символизирует некую свободу, новую, полноценную взрослую жизнь. Но героям так и не дано вкушать радости этой жизни, потому что все происходящее с ними в гостинице приводит их от недомолвок и непонимания к более глубоким противоречиям. Когда Флоренс убегает из номера, природа становится отражением ее психологического состояния: «Она стояла,

прислоняясь к большому лежащему дереву, вероятно выброшенному на берег штормом, ошкуренному волнами, гладкому и затвердевшему от соли. Ее поясища удобно поместились между стволом и большим суком, и массивный ствол еще отдавал остатнее дневное тепло. Так мог бы младенец нежиться в гибели материнской руки, но Флоренс не верила, что такое бывало с ней» [2]. Эта сцена символизирует потребность героини в гармоничном общении с другими людьми, и гармонию эту она не обрела ни в общении с матерью, ни в общении с Эдуардом.

Скованность и неестественность в отношениях героев в целом можно охарактеризовать так называемой "английскостью". Недаром герои наделены старомодными именами - Эдуард и Флоренс, и провести медовый месяц они решили так, как это было принято. Автор в подробностях описывает праздничный ужин - это действительно очень английское, застенчивое, зажатое и почти ритуальное действо. Хотя Эдуарда и Флоренс никто не видит, они считают, что все равно не могут вести себя свободно: «Даже когда Эдуард и Флоренс оставались наедине, над ними еще тяготели тысячи неписанных правил. Именно потому, что они взрослые, негоже по-ребячески убежать от стола, приготовленного для них с такими стараниями» [2]. Уже после их ссоры Флоренс понимает: все дело в том, что они были слишком закрыты друг для друга, вежливы, как будто остались чужими людьми, никогда ничего не обсуждали, боялись сказать лишнего. Взаимные претензии, которые они держали в себе, копились и затем вылились в масштабный конфликт.

Все это дополняется темой социального неравенства – одной из центральных в романе. Макьюэн подчеркивает это даже выбором места действия - на Чезильском пляже могли себе позволить отдых лишь люди из богатого сословия. Очевидно, что простой парень Эдуард не мог взять на себя такие расходы, поэтому данное мероприятие оплатили богатые родители Флоренс. Принадлежность к разным сословиям, разные взгляды на жизнь, особенности характера и воспитания героев выражены в их диалогах, которые отражают общее состояние непонимания. Когда Флоренс говорит: «Ты все время хочешь чего-то еще. Какое-то бесконечное вымогательство», - она имеет в виду аспект физической близости, а Эдуард думает, что девушка осуждает его за то, что её отец нашел ему работу и подарил на свадьбу большую сумму денег: «Она говорила не о деньгах. Этого у нее и в мыслях не было. Какой абсурд – вообще о них вспомнить. Как он смеет» [2].

Среди других средств художественной характеристики героев Макьюэн уделяет особое внимание описанию. Это, в первую очередь, касается родителей. Флоренс воспитывается в привилегированной среде, но ее отношения с родителями нельзя назвать идеальными. Мать Флоренс Виолетта постоянно занята и не понимает свою дочь. Флоренс хочет посоветоваться с ней по поводу отношений с Эдуардом, но не может, поскольку эта «замечательная по-своему женщина слишком интеллектуальна, слишком холодна – старомодный синий чулок» [2]. С младшей сестрой она тоже не ладит и почти не общается. Отец вызывает у Флоренс смешанные чувства - временами умиление, но чаще отвращение: «она не могла видеть его блестящую лысину, маленькие белые ручки, выслушивать его беспокойные планы касательно того, как улучшить свой бизнес и зарабатывать еще больше денег» [2].

Мать Эдуарда больна - у нее повреждение мозга. Её описание автором имеет мистический оттенок: «Она была призрачным существом, худым и кротким эльфом с взъерошенными каштановыми волосами, рассеянно проходившим по дому и так же рассеянно сквозь их детство, – иногда общительная и даже нежная, а иногда отсутствующая, погруженная в свои любимые занятия и проекты» [2]. Женщина наделена сильными материнскими качествами, но, вместе с тем, она как будто безучастна к судьбе своих детей. Как и мать Флоренс, она занята лишь своими делами и увлечениями.

На первый взгляд может показаться, что герои живут в благополучных семьях, но при пристальном рассмотрении становится ясно, что это не так. Например, мотивы болезни являются метафорой, объясняющей психологическое состояние матери Эдуарда, которое, в свою очередь, свидетельствует о беспокойной и неустойчивой обстановке в семейной жизни и о психологических проблемах и противоречиях у детей.

Психологию взаимоотношений между персонажами помогают раскрыть портретные характеристики. Читателю предлагается взглянуть на героя глазами другого персонажа. Так, Эдуард, глядя на Флоренс, думает про себя: «Ресницы у нее были темные и густые, как у ребенка, и в серьезности ее спокойного лица – тоже что-то детское. При определенном освещении в четкой лепке этого лица проглядывало что-то индейское, что-то от благородной скво» [2]. Таким образом раскрываются черты её характера: благородство, спокойствие, детская непосредственность, что и помогает создать определенный психологический образ Флоренс.

Автор предлагает читателю обобщенную характеристику героини, как бы намекая, что подобные выводы были недоступны Эдуарду: «Можно ли было не полюбить такую странную, особенную женщину, такую сердечную, глубокую, до болезненности честную, у которой каждая мысль, каждое чувство открывались взгляду обнаженными, в жестах и выражении лица, струясь как поток заряженных частиц?» [2]. Портретная характеристика Эдуарда формируется у читателя благодаря более кратким и мимолетным описаниям. По-видимому, Макьюэн хотел представить его «типичным», простым парнем, представителем молодежи своей эпохи, тогда как Флоренс выглядит более сложной и необычной личностью.

На фоне субъективных суждений и выводов героев о происходящем в романе присутствует авторский комментарий. Это вариант «всезнающего рассказчика», дающего объективную характеристику событиям и персонажам, которые таким образом превращаются в определенные социальные типы.

Добиться «объемности» и глубины изображения событий и героев Макьюэну помогает использование такого приема, как сопоставление точек зрения. В романе одни и те же события постоянно сопровождаются размышлениями то одного, то другого героя. Как правило, эти суждения противоположны. Например, во время поцелуя Флоренс думает, что её стошнит, в то время как «Эдуард подумал, услышав ее стон, что он почти уже на вершине счастья» [2]. Эдуард заботится только о своих чувствах и не понимает, как себя чувствует Флоренс. Он не способен принять ее такой, какая она есть, ее женскую природу. Эдуард не замечает и не разделяет сдерживаемого отвращения своей возлюбленной ко всему, что связано с сексом. Когда же девушка предлагает ему свободу в сексуальных отношениях, он говорит о «гнусности» такого

предложения, упрекает её в том, что она нарушила клятву, данную прилюдно в церкви. Неудача свадебной ночи становится для обоих героев поворотным моментом всей жизни и является для автора важным свидетельством драматической неспособности людей к гармонии и в других обстоятельствах и видах взаимоотношений.

Уже в старости Эдуард понимает, что любил только эту женщину, и жалеет о разрыве с ней. Можно подумать, что Макьюэн обвиняет в этом разрыве Эдуарда. Но как признался сам автор в одном из интервью, он одинаково страдает обоим героям и никого из них не обвиняет [4]. Автору важно обратить внимание на то, что в обществе, где социальность, кажется, ушла на второй план, её влияние сохраняется и проявляется на уровне чувств, вплоть до подсознания.

В романе «На берегу» использование различных художественных средств (портретные и авторские характеристики персонажей, система точек зрения) помогает понять внутренний мир героев, придает большую полноту повествованию и позволяет раскрыть проблемы человека в аспектах психологизма. Желая обострить внимание читателя, Макьюэн разрывает и лишает однозначности оценок внешний рисунок биографии и внутренней жизни персонажей. Традиционные средства художественной характеристики использованы автором, чтобы обратить внимание читателя на то, как тонкие и едва уловимые нюансы чувств и эмоций могут иметь решающее значение в личной жизни человека. В целом роман «На берегу» является своеобразным опытом в жанре психологического романа в творчестве Макьюэна начала XXI века.

Литература и примечания:

[1] Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман 1980-2000 гг. / Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2014. 395 с.

[2] Макьюэн, И. На берегу. [пер. с англ. В. Голышева]. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. 220 с.

[3] Федоров А. А. Модификации психологического романа и современная английская проза (Дж. Барнс, И. Макьюэн) //Российский гуманитарный журнал. СПб., 2012. № 1. С. 14-22.

[4] «10 Questions for Ian McEwan» / Time Magazine, 7 June 2007.

[5] <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1630547,00.html>

© А.А. Медведев, 2014

***Е.В. Минаева,
Н.В. Татарникова,
ГИРЯ им. А.С. Пушкина,
г. Москва***

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В УЧЕБНИКАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Работа над составлением учебников по русскому языку для иностранцев – сложный, многоплановый процесс. Одной из проблем, которую обсуждали

специалисты по методике обучения русскому языку иностранцев в 1920-е годы, была проблема отбора учебных текстов. В 1921-1923 годах рекомендовалось использовать в учебном процессе художественные тексты, отражающие историко-экономические темы: первоначальное накопление капитала (Н.А. Некрасов «Железная дорога», А.М. Горький «Фома Гордеев»), концентрацию капиталов (Э. Золя «Углекопы», А. Серафимович «На заводе»). В 1924 году, в год смерти В.И. Ленина, стали больше использоваться научно-публицистические материалы, но с 1925 года снова возрос интерес к художественным текстам.

В нашей работе мы предлагаем классификацию учебных текстов лингвострановедческого характера, представленных в учебниках «Слово о жизни. Пособие по страноведению для учителей русского языка» А. Абрамовича, А.Аникиной, И.Бано (1975), «Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. 1-й курс. Битехтиной Г.А, Клобуковой Л.П., Чагиной О.В. и др.(1977), «Старт-1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР» Галеевой М.М., Журавлевой Л.С., Нахабиной М.М. (1979) и др. В обучении русскому языку как иностранному уже в 1960-е гг. становится одним из ведущих сознательно-практический метод, который по многим своим характеристикам сближается с прямым и аудиolingвальным методами. Обучение речевой деятельности организовывалось несколькими способами, например: чтение текста - его устное или письменное воспроизведение, составление собственного текста по аналогии с изученным - выход в диалогическую речь - аудирование; чтение текста - аудирование аналогичного текста - выполнение письменных творческих заданий на основе этих текстов – обучение диалогической речи и др.

Содержание учебника и наполнение его лингвострановедческой информацией рассмотрим на примере нескольких книг. В хрестоматии «Слово о жизни. Пособие по страноведению для учителей русского языка» 7 тематических разделов, каждый из которых содержит несколько произведений по темам: «Природа», «Город и деревня», «Дети», «Игры и спорт», «Путешествие», «Творческий труд», «Судьбы человеческие». Авторы включили в хрестоматию отрывки из художественных произведений Л.Толстого, А. Чехова, М. Горького, А. Толстого, Ю. Нагибина, К. Федина и др. Произведения и отрывки из них даны с сокращениями, но без адаптирования. Большинство отрывков начинается с небольших биографических справок об авторах. Трудные слова и выражения в большинстве случаев поясняются на русском языке; некоторые слова (названия птиц, растений) переводятся на немецкий, английский, французский языки.

В «Учебнике русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов (1 курс)» тексты можно классифицировать по следующим тематическим направлениям:

1.Общественно-политические тексты

Например: текст «Три дня в апреле» (с.47), «Апрельские тезисы – ленинская программа социалистической революции» (с.49), «Февральские события 1917 в г. Петрограде» (с.22), «Важный государственный вопрос» (с.139), «Речь В.И.Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ» (с.108).

Текст «Важный государственный вопрос» предвляло задание: *Прочитайте текст. Постарайтесь понять его содержание без словаря. Скажите, почему развитие науки считается важнейшим государственным*

вопросом.

В каждом номере «Известий» той поры есть рубрика «Продовольственное дело»: «Хлебный паек в России удалось увеличить до ¼ фунта (на карточку). Запасов продовольствия хватит на несколько дней».

«29 мая. Выдача круп только по рецептам врачей». И рядом публикуется сообщение Комиссариата просвещения: «На нужды астрономической обсерватории в Ташкенте ассигновано 44 000 рублей»

В то время многое было проблемой: лампы, приборы, оборудование... Но для нужд науки добывалось все. Порой незначительную на первый взгляд просьбу кого-либо из ученых помочь оборудованием, материалом, В.И. Ленин брал под свой контроль. За два года, несмотря на гражданскую войну, голод, разруху, масштаб научных исследований неизмеримо возрос. В стране было создано более пятидесяти научно-исследовательских институтов и лабораторий». (Фрагмент текста «Важный государственный вопрос») (с.139)

Послетекстовые задания предлагались такие:

1. Подготовьтесь к работе по тексту.

а) Прочитайте текст еще раз, выделите незнакомые слова, определите их значение, запишите их в свои словари.

б) Прочитайте данные ниже слова, обратите внимание на побочное ударение в этих словах. Определите их значение, исходя из значения составляющих слов.

Общегосударственный, первостепенный, народнохозяйственный, десятилетие, двухсотлетие, достопримечательность, взаимодействие, межотраслевой.

2. Ответьте на вопросы:

а) К какому времени относится начало описываемых событий?

б) Какой была обстановка в стране в то время?

в) Какие ученые встали на сторону Советской власти? Что вам известно о К. Тимирязеве, К. Циолковском, И. Павлове, И. Мичурине, В. Вернадском? И др.

2. Культурно-исторические тексты

Текст «Имена на обелиске» (с.184), «Социалистическая революция» (с.73), «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» (с.280), «Космос должен служить на благо человеку!» (с.259)

Тексты, которые предлагались для чтения, рассказывали об особенностях жизни людей при коммунистическом строе, излагали события советской истории, биографий первых лиц государства. Учащиеся получали несколько приукрашенную лингвострановедческую информацию, направленную больше на пропаганду, чем на истинное отражение лингвострановедческого и лингвокультурологического аспекта.

В годы после Великой отечественной войны активно развивалась методика преподавания иностранного языка, появились различные методы обучения: сознательно-сопоставительный, методика национально-языковой ориентации, сознательно-практический метод, коммуникативный метод и др., направленные на ускорение процесса усваивания материала; появились программы, в которых отражались цели и задачи обучения. Ведущей считалась практическая цель, которая понималась достаточно широко: учащиеся должны были в сжатые сроки овладеть языком настолько, чтобы общаться с носителями

языка и участвовать в учебном процессе. Декларировалось комплексное развитие всех видов речевой деятельности с учетом профессиональных интересов учащихся.

Литература и примечания:

[1] Абрамович А., Аникина А., Бано И. Слово о жизни. Пособие по страноведению для учителей русского языка. М., 1975.

[2] Битехтина Г.А, Клобукова Л.П., Чагина О.В. Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарных вузов и факультетов. 1-й курс. М., 1977.

[3] Галеева М.М., Журавлева Л.С., Нахабина М.М. Старт-1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. М., 1979.

[4] Московкин Л.В., Щукин А.Н. История методики обучения русскому языку как иностранному. М., 2013.

© Е.В. Минаева, Н.В. Татаринова, 2014

И.А. Минаева

*ГБОУ «Школа № 170 им. А.П. Чехова»,
г. Москва*

**К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА МАТЕРИАЛОВ БИОГРАФИИ
ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ**

В настоящее время предмет «Литература» получает особый статус в связи с обновлением содержания образования, введением стандартов второго поколения. Знакомство с классическими образцами художественной литературы дает возможность осуществлять диалог эпох, поколений, культур. Знание важнейших историко-литературных фактов, творческих биографий художников, истории создания произведений, знаменательных вех в развитии отечественной литературы позволяет говорить о целостном постижении предмета, об умении видеть его внутренние связи и закономерности.

Работа с текстом в новых условиях носит универсальный характер. Какой же материал отобрать? Как излагать факты биографии писателя? Над этими вопросами размышляют учителя, методисты, авторы учебников.

Представляется целесообразным изучение жизни и творчества писателей в неразрывном единстве. Это принцип должен определять как отбор, так и изложение материалов биографии писателя. Знакомясь с тем периодом жизни автора, когда изучаемое произведение было написано, учащиеся погружаются в контекст эпохи, устанавливают причинно-следственные связи. В душе человека всегда живет интерес к другим людям, к их жизни, и «зрелище жизни великого человека» не может быть нейтральным по отношению к духовной сфере существования ребенка, его мыслям и чувствам. Учащиеся с интересом следят за процессом становления художника слова, живой отклик у ребят вызывают детские, юношеские годы «замечательных людей».

Диалогу культур во многом помогает и знакомство с процессом создания того или иного произведения. Такой подход к изучению жизни и творчества писателя помогает учащимся понять не только творческую индивидуальность писателя, но и его отношение к жизни, к людям, что, в свою очередь, помогает более глубоко понимать произведения писателя.

Современные стратегии работы с текстом предполагают: поиск информации и понимание прочитанного, преобразование и интерпретацию информации и, наконец, оценку информации. Биографии писателей и поэтов предоставляют возможность для активной учебно-познавательной деятельности школьников. Работая с художественными очерками о наиболее важных эпизодах жизни поэта или писателя, с воспоминаниями современников, с высказываниями самих писателей по различным вопросам, с фотокопиями рукописей отдельных произведений (или фрагментов произведений), ученики лучше представляют себе обстановку, атмосферу, в которой создавалось произведение, живет «видят» состояние души творца. Волнующая атмосфера достоверности упоминаемых фактов жизни писателя создает связь искусства с жизнью.

Информация, «добытая» учащимися из учебника, побуждает к дальнейшему исследованию того или иного вопроса. Учителю надо направить самостоятельную работу учащихся в нужное русло так, чтобы они могли сделать выводы, обобщения, создать «продукт»: проект, творческую или научную работу.

В процесс знакомства с биографией необходимо включать отрывки из произведений писателя или поэта: чтение учителем, учащимися отрывков из прозаических, стихотворных произведений не только знакомит с творчеством, но и вызывает эстетические переживания, «воспитывает чувства».

Важно при изучении биографий избегать шаблона, искать наиболее оптимальные формы работы с текстом в соответствии с программой, УМК, причем важно не только и не столько ради разнообразия, а для постижения индивидуальности писателя.

Большие возможности для работы дают биографические материалы о дружбе и любви в жизни писателей и поэтов. «Жизнь сердца» способствует воспитанию чувств, помогает осознать непреходящее значение вечных ценностей. Нельзя не обратить внимание учащихся на то, как русские писатели и поэты понимали смысл и цель жизни. Также не менее важен вопрос о творческих связях, диалогах, преемственности писателей разных стран и национальностей. Работа с материалом по этой теме будет способствовать диалогу культур, воспитанию и развитию качеств личности учащихся, отвечающих задачам построения российского гражданского общества на основе принципов толерантности.

Литература и примечания:

[1] Федеральные государственные образовательные стандарты и Примерные программы по литературе на сайтах www.mon.gov.ru и <http://standart.edu.ru/>

© И.А. Минаева, 2014

*А.Э. Моллок,
А.Г. Жукова
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина,
г. Москва*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

В настоящее время социальная (некоммерческая, общественная) реклама является одним из важнейших коммуникативных каналов управления процессом формирования новой системы ценностей в массовом сознании. Основная цель социальной рекламы – кратко, доходчиво и выразительно представить информацию о социально важной проблеме, а также связанной с ней ценностной установке или модели поведения как социально одобряемых и способствующих защите интересов государства, общества и конкретных людей.

Использование социальной рекламы в самых разных целях на глазах становится неотъемлемой частью нашей жизни. Тематика отечественной социальной рекламы очень широка: борьбы с наркоманией и алкоголизмом, профилактика СПИДа и других заболеваний, борьба с курением; пропаганда здорового образа жизни, гражданских прав и обязанностей, семейных ценностей; безопасность дорожного движения, охрана материнства и детства, экологические проблемы; правовое поведение и т.д.

Поскольку одной из основных функций социальной рекламы является воздействие на человеческое сознание и побуждение его к каким-либо социальным действиям, в ее текстах используются самые разнообразные средства и ресурсы речевого воздействия. К таким ресурсам относится имплицитная информация, т. е. та информация, которая в тексте не выражена явно, но существует как подтекст и может быть выведена потребителем из фоновых знаний и контекста. Это важнейший ресурс, поскольку эффективность такого рода текста нельзя обеспечить прямым призывом «поступать правильно». Необходимо представить информацию так, чтобы целевая аудитория сама пришла к определенному мнению.

Специфика рекламы как вида творчества заключается в том, что в ней невозможно «использование новых, не известных еще образов. Ведь все впервые сотворенное еще не известно и не может пользоваться массовым спросом. Поэтому приходится прибегать в общедоступной лексике, образу, действию, знакомым для всех. Тогда возникает понимание и, соответственно, восприятие информации» А. Манегетти [4]. Таким образом, эффективная реклама с помощью формулирования новых взаимосвязей из давно и хорошо знакомых широким массам людей слов и изображений.

Одним из эффективных средств речевого воздействия в социальной рекламе являются прецедентные феномены (ПФ), под которыми мы, вслед за В.В. Красных, понимаем феномены культуры, выступающих как символ какого-либо феномена или ситуации, обращение к которым постоянно возобновляется в речи какого-либо национально-лингвокультурного сообщества [2].

Выделяют несколько видов прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация. Нами

было проанализировано 239 примеров российской социальной рекламы за период 2004–2014 гг., в которых встречаются все виды прецедентных феноменов.

Наиболее частотны в нашем материале прецедентные высказывания (ПВ) – особый продукт речемыслительной деятельности человека, многократно воспроизводимый в речи носителей какого-либо языка, основная особенность которого заключается в том, что сумма значений его компонентов не равна его общему смыслу.

В качестве прецедентных высказываний в российской социальной рекламе часто выступают разговорные и фольклорные идиоматические выражения, тексты произведений русской литературы, музыкальные, кинематографические произведения и т.д. Пословицы, поговорки, цитаты из классических произведений «имеют больше шансов на статус «общеизвестных истин». Вместе с формой житейских мудростей они наследуют их бесспорную истинность» [3]. Кроме того, их использование удобно тем, что «достаточно не скрупулезно обозначать расчлененные предметы и понятия, но лишь намекать на них, называть целые сферы, явления и акции» [1].

Например, в экологической рекламе – где урна надета на голову человеку, бросающему банановую кожуру мимо урны, используется поговорка *по Сеньке шапка*.

Значение поговорки восходит к тем временам, когда шапка была символом определенного социального статуса человека – чем выше она была, тем знатнее был носивший ее боярин. Однако современное ее значение несколько иное: каждый получает по своим поступкам, в соответствии со своими заслугами. Вербальный ряд здесь взаимодействует с визуальным, создавая такую импликацию: человек, бросающий мусор мимо урны, достоин носить на голове только помойное ведро. Стало быть, в данной рекламе используется импликация, а также взаимодействие вербального и невербального ряда.

В качестве прецедентных высказываний используются и тексты известных песен. Например, в еще одной рекламе против засорения окружающей среды: «*Не думай о соринках свысока*» используется трансформированная цитата из известной песни на слова Р.И. Рождественского, «Мгновения»: «Не думай о секундах свысока...».

В данной рекламе используется визуальная гипербола, т.е. чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета или явления. В данном случае – изображение соринки в человеческий рост, создающее в сочетании с вербальным компонентом следующую импликацию: мусор – это совсем не мелкая проблема, если все будут мусорить, где им угодно, мы рискуем сами превратиться в мусор.

Подчеркнем, что в приведенных нами примерах можно наблюдать активное взаимодействие вербального и невербального ряда. Картинка поддерживает вербальный призыв, помогает адресату его расшифровать и одновременно активизирует восприятие за счет неожиданности этого образа, его нестандартности (своего рода опрокидывание стереотипов). Рекламисты очень часто используют этот прием, поскольку темы социальной рекламы – это в основном то, что всем уже порядком надоело и не очень поэтому интересует: «не надо мусорить», «переходите улицу в положенном месте» и т.д.

При создании прецедентных текстов в российской рекламе часто присутствует создание вторичного текста на основе прецедентного. Примета сегодняшнего дня – использование в качестве прецедентных высказываний интернет-мемов, рассчитанных на активных пользователей интернета, прежде всего на молодежь. Приведем в пример рекламу «Гринпис»: «Арктика, давай до свидания!» *Глобальное потепление.* (С красной строки) *Прими участие в наших проектах – сохрани Арктику!»*

Фраза «Ты кто такой? Давай, до свидания!» стала интернет-мемом 2012 г. (фразой, спонтанно приобретшей популярность и широко тиражируемой посредством интернет-технологий). Эта цитата из ставшего широко известным также благодаря интернету азербайджанского свадебного видео, где исполняются своего рода частушки с таким рефреном, активно используется в современных текстах для выражения пренебрежения чьим-либо мнением, сомнения в чьих-либо достоинствах или праве занимать то или иное место и т.д. В рассматриваемом тексте фразу «Арктика, давай до свидания!» (пунктуация на совести авторов рекламы, отсутствие запятой после давай, вероятно, можно расценивать как влияние «хэштегового» написания) «произносит» глобальное потепление. Рекламный текст также содержит прямой призыв не согласиться с происходящим и срочно предпринять меры по спасению названного природного объекта. Визуальный ряд содержит комическую гиперболу: изображение белого медведя, плывущего на маленькой льдине и пытающегося спастись от палящего солнца под зонтиком. Авторы рекламы пытаются привлечь внимание молодого, активного поколения, используя «комическое в разговоре о серьезном», а также опираясь на актуальные для него прецедентные высказывания.

Как видим, прецедентные высказывания в тексте социальной рекламы часто подвергаются семантической и/или формальной трансформации. Переосмысление прецедентного феномена здесь, как правило, происходит в результате взаимодействия разных кодов, вербального и невербального. Визуальный компонент (картинка) способствует созданию разнообразных эффектов, часто основанных на контрасте ПФ и сопровождающего его употребление изображения.

Литература и примечания:

- [1] Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Изд-во Московского ун-та, 1971 с. 149.
- [2] Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность // Человек, сознание, коммуникация. – М.:1998.
- [3] Курганова Е.Н. Прецедентный текст как основа сценария PR-мероприятия // Альманах. Вып. 7-8 (86-87) Воронеж, 2009 с. 65
- [4] Менегетти А. Система и личность. – М., 1996.

© А.Э. Моллок, А.Г. Жукова, 2014

***Ю.С. Мырзамамытова,
О.В. Гаврилова,
БГТИ (ф) ОГУ,
г. Бузулук***

ЯЗЫК КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В БРИТАНИИ

Человеческая речь является составной частью имиджа. В целом, впечатление о человеке складывается под влиянием индивидуального тембра, качества голоса, темпа речи, акцента, эмоционального состояния и различных речевых дефектов. Важно иметь в виду, что оценивание человека по речи

другими людьми обусловлено, в основном, социальными стереотипами речевого общения. Ярким примером служит Великобритания, страна, где каждый человек с трепетом относится к своему социальному положению и, в особенности, к своим речевым манерам. Социолог Питер Трагилл говорил: «Чем выше социальное положение и уровень образования говорящего, тем ближе к орфоэпической норме его произношение» [1]. И, несмотря на демократизацию британского общества во второй половине XX века, англичане обращают большое внимание на то, кто и как с ними говорит, анализируя и делая выводы о своем собеседнике, что в большей мере определяет актуальность исследования языковых различий между классами в Великобритании.

В последнее время в английском языке наметились две основные тенденции к искажению языковой нормы. Прежде всего, это «EstuaryEnglish» – подчеркнуто грубый акцент, символ дурного вкуса, распространяемый с телеэкранов. С другой стороны, это форма английского языка, на которой говорят в Лондоне и его окрестностях, и, в более широком смысле, на юго–востоке Англии – вдоль Темзы и ее устья («estuary»). Им пользуются не только известные политики, спортсмены и ведущие программ, но и младший сын Английской Королевы – принц Эдвард. «EstuaryEnglish» отличают вокализованное [ɪ], подобное по звучанию [w], когда «milkbottle» произносится как [miwkbottoo], или «football» как [foʊ'baw] или практически полное упразднение звука [t], когда вместо «quitenice» мы слышим [kwai' nais] [1].

Вторая тенденция, которой поспособствовало телевидение, – это «AustralianEnglish», появившийся около 20–25 лет назад вместе с появлением австралийских мыльных опер. Этот вариант прижился и теперь используется в телевизионных программах для всех возрастов. Одной из его характерных особенностей является наличие вопросительной интонации в утвердительных предложениях [1].

Речь англичан для них самих имеет ярко выраженный характер, каждый без труда сможет распознать социальный статус, положение в обществе и даже материальную обеспеченность только лишь услышав манеру диалога собеседника. Этот факт подтверждает, что язык – это одно из социальных явлений. Ученые называют язык более многочисленных социальных групп социальным диалектом, с различиями в произношении и использовании основанный на социальном классе, этнических факторах, контакте с другими языками, полом или возрастом. То же самое наблюдается и у англичан.

Рисунок 1 – Результаты опроса

Классовые различия в Великобритании менее важны сегодня, но они все еще существуют. Множество людей в Великобритании явно ощущают эти различия. Мы решили узнать, что думают по этому поводу участники опроса.

Большинство опрошенных – 67,5% (27 человек) затруднились ответить на вопрос: «Влияют ли языковые различия между представителями разных социальных классов на их взаимное восприятие?», 22,5% (9 человек) ответили, что, несомненно, языковые различия играют большую роль. И 10% (4 человека) опрошенных заявили, что, на их взгляд, языковая манера в межклассовых взаимоотношениях не имеет значения. Такие результаты являются следствием того, что минимальный процент опрошенных имеет представление о межклассовых языковых барьерах у жителей Великобритании.

Самый легкий способ предположить класс, к которому человек принадлежит, состоит в том, чтобы прислушаться к акценту, с которым он говорит. Акцент человека в Великобритании – удостоверение личности. Нельзя говорить об английском речевом этикете, не упоминая классы, потому что любой англичанин, стоит ему заговорить, мгновенно обнаруживает принадлежность собеседника к тому или иному классу. Возможно, это в какой-то степени справедливо и в отношении других народов, но наиболее часто цитируемые комментарии на данную тему принадлежат англичанам – от Бена Джонсона, заявлявшего: «Наиболее ярко характеризует человека язык. Говори, чтоб я понял, кто ты такой», – до Джорджа Бернарда Шоу, высказывания которого имели более выраженную классовую направленность: «Едва кто-то из англичан открывает рот, как у другого англичанина тотчас же просыпается либо ненависть к нему, либо презрение» [2].

Важно, что в Англии (в отличие от Северной Америки) доход не является автоматическим индикатором принадлежности к тому или иному классу. Например, потомственный пэр может быть весьма беден, но при этом у него будут прекрасный акцент и манеры. Следует сказать, что основные классы в Великобритании подразделяются следующим образом:

- UpperClass (высший класс – 1%). Основные особенности: королевские манеры и образованная речь, ее подача. Люди этого класса всегда богаты, многое им достается по наследству.

- Uppermiddleclass (верхний средний класс – 5–10%). Их речь чуть хуже, чем у представителей высшего среднего класса, но манера говорить по-своему привлекательна. Такие люди имеют достаток, университетское образование и образованных родителей. Чаще всего становятся докторами, академиками, командными офицерами. В быту – приверженцы национальных традиций, таких как вечернее чаепитие. В сравнении с русским народом соотносятся как советская интеллигенция.

- Middlemiddleclass (средний средний класс – 15–20%). В разговоре менее заметен местный акцент. Эти люди образованы, но образование не всегда высшее. Чаще всего такой класс известен как «воротнички» или мелкие предприниматели, иногда офицера невысокого чина, но имеющие материальный достаток.

- Lowermiddleclass (нижний средний класс – 25%) Чуть более заметен местный акцент, образование среднее. В военной карьере становятся лейтенантами, в гражданской сфере – мебельные торговцы или сборщики.

- Workingclass (рабочий класс – 40%). Речь этих людей имеет ярко

выраженный акцентом, среди хобби – футбол на первом месте. Уважение в их лице заслуживают трудолюбивые и работающие люди. Образование среднее или неоконченное, часто служат в армии рядовыми и сержантами. Очень гордятся своей нацией.

– Theunderclass (бедные – 10%). Безработные и материально необеспеченные люди. Их речь более чем проста и своеобразна, понимание находят лишь у людей своего класса, так как представителям иных страт будет очень сложно разобрать их разговор.

Первый индикатор классовой принадлежности – тип звуков, которым отдается предпочтение при произношении, вернее, тип звуков, которые не произносятся. По мнению представителей верхушки общества, они говорят «правильно» – ясно, внятно и четко, а низший класс – «неправильно», у простолюдинов «ленивая» манера речи – неясная, зачастую невнятная, они просто неграмотны [3].

Возможно, аристократическое произношение с выпуском гласных и изящно, но такая речь похожа на текстовое сообщение, переданное по мобильному телефону, и пока вы не научитесь воспринимать на слух эти аббревиатуры, язык аристократов вам будет столь же непонятен, как и лишенная некоторых согласных речь трудового люда. Люди рабочего класса обычно пропускают и [h] и [t]. Они говорят [wha] вместо [what] или [orse] и [ause] вместо «horse» и «house».

Изменение акцента – очень трудная задача, даже для актеров. Чтобы достигнуть желаемого акцента, англичанин должен говорить так с самого детства. И если в полной мере учитывать роль истории в языковой манере британцев, то составит большого труда разобраться в привычках, взглядах и мировоззрении жителей этого удивительного островного государства.

Литература и примечания:

[1] Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы // Москва. – 1976 – С. 42–48.

[2] Фишер Дж. Л. Синтаксис и социальная структура. // В кн.: Новое в лингвистике. – 1975. – с.128–129.

[3] Правила речевого этикета в Англии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.greenwich-hotel.ru/blog/pravila-rechevogo-etiketa-v-anglii/>. Режим доступа: 19.11.2014.

[4] SpeakOut №3 (97). Журнал для изучающих английский язык. // Москва. – 2013. – С.4–7.

© Ю.С. Мырзамамытова, О.В. Гаврилова, 2014

С.Л. Орлова,
ОГТИ (филиал) ОГУ,
г. Орск

ТРАДИЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ К АДРЕСАТУ НА «ВЫ» В ДРУЖЕСКИХ ПИСЬМАХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Современная система ты/Вы-обращений не присуща русской речи изначально. История формы вежливости «Вы» в русском языке неоднократно

привлекала внимание филологов. К этому вопросу обращались в своих работах Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, П. Я. Черных, М. В. Федорова, К. Е. Майтинская и др.

Появившись в качестве вежливой формы в дипломатической переписке XVII в. в русском языке, «Вы» распространяется под влиянием устного общения с жителями Западной Европы в Петровскую эпоху.

Данная манера обращения закрепляется употреблением в старых формах эпистолярного этикета - начальных и конечных челобитных формулах: «Писавый в печалех брат ваш ... челом бью» (Петр I брату Иоанну), цитировано по работе С. С. Кувалиной [10, с. 103].

Исследователи переписки ХУИ-ХУШ вв. отмечают ограниченность распространения «Вы» в этот период: «Вы» - черта переписки официальной, но «Вы» уважительного пока нет.

И на протяжении XIX в. вопрос о формах вежливости остается значимым для русского языка. Недаром в годы общественного подъема после Крымской войны эта проблема дважды поднималась лишь в течение одного 1858 г. Во-первых, в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, во-вторых, с философской точки зрения, Н. Г. Чернышевский в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения».

Во второй половине XIX в. «Вы» становится общепринятым вежливым обращением. Именно поэтому в этот период формой обращения к другу на письме становится «Вы» и имя-отчество (хотя обращение на «ты» допускается в письмах к друзьям детства). В то же время письмовники, изданные в конце XIX-начале XX вв., рекомендуют обращение к другу с «ты». Как советует, например, неоднократно переиздаваемый «Деловой общепонятный ... письмовник» т-ва Сытина: «Вообще друзьям или хорошим приятелям не пишут во множественном числе: Вы, Вам, от Вас и прочие местоимения, а заменяют единственным, как говорится, «выражаясь на ты», и тем самым письма разделяются на письма дружественные и родственные и на письма почтительные. Там, где мы выражаем любовь и дружбу лицу, связанному с нами теми же узами, выражение Вы подает повод к обиде» [9, с. 7]. Но на практике во второй половине XIX в. в кругу людей образованных даже при отношениях дружеских сохраняется вежливое «Вы», не свидетельствующее об официальных отношениях, подчеркивающее уважение к собеседнику.

Ярким примером служат письма Л. Н. Толстого П. И. Бирюкову, для Льва Николаевича - просто «милому другу Поше», в которых со столь фамильярным именованием адресата соседствует все то же вежливое «вы»: «Давно собираюсь вам написать, милый друг Поша» [15, с. 589].

Таким образом, к концу XIX в. «Вы» постепенно закрепляется в обиходе культурных слоев населения, перестает восприниматься как знак отчужденно-официальных отношений, усиливается компонент «уважение» в его значении, что позволяет использовать его в письмах даже к близким друзьям.

Особенно строго обращения «Вы» придерживаются в письменных текстах. Иллюстрацией этому могут послужить следующие строки из записок С. Лаврентьева: «Она (Т. Пассек) вскоре после нашего знакомства стала говорить мне ты, но в письмах всегда употребляла Вы» [11, с. 110].

Такое широкое распространение «Вы» в устной и письменной речи

представителей интеллигенции происходит на протяжении XIX в. Общая тенденция демократизации общества, одним из проявлений которой стала Реформа 1861 г., отразилась на составе интеллигенции: ее ряды стали пополняться представителями всех слоев населения России, поскольку поступление в большинство вузов страны было разрешено представителям всех слоев общества.

Расширение употребления «Вы-форм» связано с этим процессом таким образом: обращение на «Вы», обязательно тогда при обращении только к представителям высших слоев общества, воспринималось долгое время как привилегия этих высших слоев; новое поколение интеллигенции присваивает эту привилегию себе, требуя уважительного обращения, не случайно «Вы» в этот период преобладает даже в письмах к друзьям.

Интересно, что в семейных отношениях в то же время произошли обратные изменения: принятая в первой половине XIX в. форма обращения к родителям на «Вы» сменяется в 60-е гг. менее почтительным «ты». Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Н. В. Шелгунов (цитировано по «Стилистике» В. В. Виноградова): «... когда я был маленьким, нас учили говорить: «папенька», «маменька» и «вы», потом стали говорить «папа», «мама» и тоже «вы», в шестидесятых годах резкая реакция ниспровергла эти мягкие формы и сами отцы учили детей говорить: «отец», «мать», «ты». Теперь говорят «папа», «мама» и тоже «ты». Вот простая и наглядная история вопроса об отцах и детях за шестьдесят лет» [7, с. 168].

Эпистолярные тексты начала XX в. также позволяют отметить распространенность «Вы» в письмах к близким друзьям. Так, только в 23 из 300 рассмотренных писем К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, А. М. Ремизова, Л. Н. Андреева допускается «ты», хотя речь в каждом случае идет не просто о хорошем знакомстве, а о многолетней дружбе. Примером может служить переписка Н. Я. Мясковского и С. С. Прокофьева:

«Свет очей моих,

если Вы так уж жаждете получить мою дребедень, то я вышлю ее в самом непродолжительном времени» [13, с. 42]

Все это позволяет сделать вывод, что форма обращения на «Вы», появившаяся в русской литературной речи в XVII в. в качестве официального обращения в ситуации асимметричного общения к вышестоящему лицу, закрепляется в качестве вежливой неофициальной формы, предпочитаемой интеллигентами в симметричной ситуации общения и сохраняет эту функцию в начале XX в.

При этом особую ценность приобретало обращение «ты». Партнеры по переписке делились на тех, с которыми на «Вы», - случайные собеседники, близкие и дальние знакомые, большинство родственников, коллеги, друзья, и узкий круг тех, с которыми на «ты». Этот узкий круг противопоставлен остальным уровнем близости отношений. Так, Максимилиан Волошин обращается к В. Брюсову по имени «Валерий», на «Вы», а к Л. Кобылицкому (Эллису) - также по имени «Лева», но уже «ты».

Таким образом, анализ эпистолярных текстов русской творческой интеллигенции начала XX в. показывает, что выбор одного из местоимений в ты/Вы-паре, с одной стороны, отражает характер коммуникативной ситуации, с другой стороны, помогает ее регулировать, поскольку смена традиционно

употребляемой формы на новую означает изменение характера отношений.

Литература и примечания:

- [1] Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. - М.: Знание, 1983,- 160 с.
- [2] Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX в. Жанр и текст писем. - СПб.: Изд. СПб.ун-та, 2000. - 360 с.
- [3] Белунова Н. И. Дружеское письмо творческой интеллигенции как эпистолярный жанр // Филологические науки. - 2000. - № 5. - С. 81-89.
- [4] Блок А. А. Собр. соч.: в 10 т. - М.-Л.: Худ.литература, 1963. - Т. 8. -670 е., Т. 9.-620 с.
- [5] Боборыкин. За полвека. - М., 1929. - 87 с.
- [6] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Высш. школа, 1972. - 606 с.
- [7] Виноградов В. В. Стилистика // Проблемы русской стилистики. - М.: Высш. школа, 1981. - С. 45-70.
- [8] Виноградова Е. М. Эпистолярные речевые жанры: Прагматика и семантика текста: Дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1991. - 274 с.
- [9] Всеобщий письмовник, или полнейшее руководство к составлению всякого рода писем: деловых, родственных, дружеских и прч. - СПб., 1883, 1905.- 110 с.
- [10] Кувалина С. С. Становление языковых стереотипов вежливости в эпистолярном жанре втор.пол. XVII - перв. четв. XVIII вв. - Куйбышев, 1974.- 182 с.
- [11] Лаврентьев С. Светлый луч из дальних лет // Русская старина. - 1913.-апрель-май-июнь.-С. 14-21.
- [12] Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969. - 342 с.
- [13] Мясковский Н. Я., Прокофьев С. С. Переписка. - М.: Искусство, 1977.-338 с.
- [14] Немирович-Данченко В. И. Избранные письма: в 2 т. - М.: Искусство, 1979.
- [15] Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. - М.: Худ.литература, 1984. - Т. 19-20.-670 с.

© С.Л. Орлова, 2014

***К.М. Пашкова,
Е.В. Селёдкина,
ЧГУ,
г. Череповец***

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ВНЕШНЕГО ВИДА ЧЕЛОВЕКА
СО ЗНАЧЕНИЕМ «КРАСИВЫЙ – НЕКРАСИВЫЙ»**

Антропоцентрическая парадигма изучения языка в центр внимания лингвистов ставит семантические исследования в силу того, что через этот

аспект раскрывается коммуникативная сущность языка, его прагматика. Активно продолжается изучение состава языка по лексико-семантическим группам, по семантическим полям [5]. В качестве рабочего термина мы используем определение семантического поля.

Цель исследования: определение специфики функционирования семантического поля «внешнего вида человека» со значением «красивый – некрасивый» в современном русском языке и в языковом сознании младшего школьника.

Для достижения поставленной цели нами были:

- проанализированы необходимые словарные статьи к прилагательным «красивый - некрасивый»;

- определён состав семантического поля внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый» с помощью эксперимента в языковом сознании младшего школьника

Семантическое поле – обширное объединение слов, связанных по смыслу, обуславливающих и предопределяющих значения друг друга. Семантическое поле отражает связи и зависимости между элементами действительности – объектами, процессами, свойствами, поэтому естественно включает в себя лексику значимых частей речи – имен существительных, прилагательных, глаголов. Каждое семантическое поле имеет семантическое ядро – определенное понятие, выраженное словом, называемым "архилексемой поля", вокруг которого группируется лексика, формирующая центр и периферию поля [5].

В нашем исследовании «архилексемой поля», ядром является понятие «внешность». Логично предположить, что вокруг этого ядра, прежде всего, формируется лексика со значением «красивый – некрасивый» [5].

Прилагательные «красивый – некрасивый», выражают характеристику человека путем оценки его внешности, как в целом (*Очень красивая девушка*) здесь в качестве отличительного атрибута выступает сам человек (его фигура, тело), так и в отдельных чертах лица, частях тела человека (*Красивые глаза*) [5].

Обозначенная тема стала предметом диссертационных исследований Федотовой Т. Н. [5].

На первом этапе нашего исследования мы проанализировали словари, толковые словари, словарь синонимов, семантический словарь, чтобы выявить слова, которые входят в круг семантического поля внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый».

По «Семантическому словарю русского языка» [6]:

- синонимический ряд прилагательного красивый - видный, живописный, нарядный, пышный, привлекательный, изящный, пленительный, аккуратный, очаровательный и др. ;

- синонимический ряд прилагательного некрасивый - невзрачный, неказистый, безобразный, уродливый, неприглядный, неуклюжий, грубый и др. Наличие большого количества слов данных синонимических рядов объясняется тем, что они являлись выразителями одного из жизненно важных для человека понятий внешнего вида.

Исследуя поля «красивый и некрасивый», мы выяснили, что они имеют полевую организацию, т.е. характеризуются основными признаками по полемому

принципу, имеет полевое устройство.

Например: Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа...

В приведенном примере смысл слова «красивые» представлен словом "чудесные", но данное употребление не исключает и другие варианты, например, "прекрасные", "красивые" и т.д.

По «Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова» [3]:

– *Красивый* – доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, стройностью (красивое лицо, красивый вид)

– *Некрасивый* – лишённый красоты (некрасивое лицо)

По «Малому академическому словарю русского языка» [2]:

– *Красивый* – приятный на вид, имеющий привлекательные черты лица (Черты её лица были красивы)

– *Некрасивый* – отличающийся неправильностью очертаний, непривлекательный на вид (некрасивое лицо, странной формы суженная кверху голова, ущипнутый нос)

По «Большому современному толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой» [1]:

– *Красивый* – поражающий зрени е правильностью очертаний, доставляющий удовольствие внешним видом, имеющие правильные черты лица

- *Некрасивый*– имеющий непривлекательную внешность

Обращение к «Ассоциативному словарю русского языка», позволило установить глубинные ассоциации, которые, как нам кажется, объединяются прежде всего экстралингвистическими факторами, житейским опытом, литературными предпочтениями и т.

По «Русскому ассоциативному словарю» [4]:

– *Красивый* (если про мужчину) – ассоциируется с Карлсоном, уродом, Жаров (советский актёр), мужчина с чубом;

– *Красивая* (про девушку, женщину или девочку) – ассоциации с косой, макияжем, косы, сарафан, студентка, кудрявая, ленты, рыжая, фея, в шляпке.

Итак, данные словарей показывают, что «красивый – некрасивый» - это субъективно-оценочная категория, главное в определении «Красивый» - это всё-таки совокупность качеств, доставляющих удовольствие, наслаждение.

На втором этапе работы: В целях установления, что может входить в семантическое поле внешнего вида человека, был проведён эксперимент среди учеников 3 «В» класса, школы №10 г. Череповца. Возраст детей 9 – 10 лет.

Эксперимент проводился в два этапа.

На первом этапе детям были предложены имена прилагательные (относящиеся к внешнему виду человека). Школьники должны были распределить эти прилагательные на 2 группы. Те, которые, по их мнению, относятся к прилагательному «красивый», и те которые относятся к прилагательному «некрасивый». Прилагательные были даны следующие: больной, обаятельный, жалкий, серьёзный, опрятный, строгий, усталый, аккуратный, унылый, очаровательный, здоровый, суровый.

Мы получили следующие результаты:

К прилагательному «красивый» из 21 человека 20 человек отнесли прилагательное- опрятный, здоровый. 19 человек отнесли прилагательное – аккуратный, обаятельный, 18 чел. - очаровательный, 8 чел. – серьёзный, 5 чел. –

строгий, 1 чел. – больной, жалкий.

К прилагательному «некрасивый» - 19 чел. отнесли слова - унылый, усталый, суровый, 17 чел – больной, 16 чел. – жалкий, 14 чел. – строгий, 11 чел. - серьёзный, 1 чел. отнёс обаятельный и очаровательный.

Таким образом, внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый», у детей 3 класса, в первую очередь включает прилагательные «опрятный и здоровый».

«Некрасивый», включает в первую очередь прилагательные «унылый, усталый, суровый».

Мы видим, что в речи наивных носителей языка, которыми являются 9 – 10 летние школьники, семантическое поле внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый» значительно шире, чем оно представлено в Словарях. Причём акцент сделан на понятиях, которые характеризуют состояние человека, ни одно из определений не осталось без отнесения к понятию «красивый» или «некрасивый». Считаем, что отнесение прилагательных «обаятельный» и «очаровательный» к группе слов со значением «некрасивый», а «жалкий», «больной» - к группе слов со значением «красивый» вызвано невнимательностью и, может быть, неточным знанием значений отдельных слов.

На втором этапе детям была предложена анкета, которая включала следующие вопросы: как ты себе представляешь...

- красивое лицо
- красивые глаза
- красивые губы
- красивые зубы
- красивая фигура
- красивая походка

На вопрос красивое лицо 3 чел. ответили – ухоженное, 2 чел. – овальное, также были ответы капелькой, милое, молодое, моё, без морщин, как у барби, естественное, с небольшим макияжем, мамино лицо, улыбающееся, с добрыми глазами.

На вопрос красивые глаза 5 чел. ответили - голубые и добрые, 4 чел. – карие, 3 чел. – зелёные, 2 чел. – как у Золушки, 2 чел. – мамыны, как алмазы, с длинными ресницами.

Красивый нос (картошкой - 3 чел., не побитый – 2 чел, напудренный, не курносый, острый, курносый, нос с веснушками, как у русалочки.)

Губы – (накрашенные – 2 чел., не силиконовые, не покрашенные, мамыны, тонкие, алые, красные, не толстые)

Зубы (4 чел. – белые, без налёта, без дыр)

Фигура (3 чел. – худая, 2 чел. – не очень худая, 2 чел. – как у модели, стройная, мамына, как у белоснежки, полная, как у Бель)

Поза (2 чел. – сидит с прямой спиной, 2 чел. – как у модели, 2 чел. – сидит, как у спящей красавицы, руки на поясе ноги в загипе)

Походка (уверенная – 3 чел., как у модели от бедра – 2 чел., с прямой спиной, ровно ставит ногу, когда идёт, идёт не в раскоряку)

Ассоциативные реакции детей совпали с некоторыми ассоциативными реакциями взрослых, которые указаны в ассоциативном словаре. Наше исследование также показало, что дети, как и взрослые, на всё обращают

внимание, на все мелочи: от цвета глаз до походки, до того, как человек одет. Ничто не ускользнёт от их внимания. По их ответам мы видим, какого человека они считают красивым, а какого нет; каких героев мультфильмов они считают образом красивого человека, а каких нет.

Также детям был задан вопрос: *«Как ты себе представляешь красивого человека и некрасивого человека?»*

По данным ответов учеников 3 класса мы можем составить общий портрет красивого и некрасивого человека.

Красивый человек

- девочка с длинными светлыми волосами
- моя мама – она прекрасна
- с хорошей фигурой и ухоженным лицом
- хорошо одет
- девочка со светлыми волосами
- это Принцесса на горошине
- с круглым лицом, зелёными глазами и носом картошкой.
- опрятный

– длинный человек

Некрасивый человек

- неаккуратный
- с большими ушами
- грязный, с кривой спиной
- с носом как у Буратино
- злой
- человек паук
- не хорошо одет

Последнее задание оказалось трудным для большинства учеников, они не смогли дать описание уже в целом красивого и некрасивого человека.

Ответ одной девочки озадачил своей глубиной. Она написала, что «некрасивых людей не бывает»!

Таким образом, мы в своей работе показали, какие слова могут входить в семантическое поле внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый». Все слова, которые входят в семантическое поле, говорят нам как о внешности человека в целом, так и о характеристике отдельных её составляющих.

Также мы сделали первый шаг на пути выявления в языковом сознании младшего школьника слов, входящих в семантическое поле внешнего вида человека со значением «красивый – некрасивый».

Литература и примечания:

- [1] Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. – М. : 2006
- [2] Крылов С. А. Словарь русского языка в 4 – х томах / («МАС», Малый академический словарь). М., Русский язык, 1999- Т. 1 - 4
- [3] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, Оникс, 2011. – 736 с
- [4] Русский ассоциативный словарь. КНИГА 3. Прямой словарь: от

стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 2 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М. 6 ИРЯ РАН, 1996. – 212 с

[5] Федотова Т. Н. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Казань. 2010

[6] Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. – М. : Азбуковник. 2007. – 94 с.

© К.М. Пашкова, Е.В. Селёдкина, 2014

*И.А. Писарева,
Е.В. Брысина,
ФГБОУ ВПО «ВГСПУ»,
г. Волгоград*

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Что окружает нас каждый день? Конечно, реклама.

Реклама прочно вошла в нашу жизнь и стала ее неотъемлемой частью. К изучению рекламных текстов обращались многие ученые (Л.С. Винарская, С.В. Ильясова, Л.П. Амири, Ю.К. Пирогова, С.Г. Кара-Мурза). Такой интерес к различным аспектам рекламы вызван тем, что она занимает значительное место в информационном пространстве СМИ и имеет множество разновидностей ее носителей: рекламные щиты и растяжки, радио, телевидение, газеты, журналы, буклеты.

Влияние рекламного текста на современное общество в условиях усиливающихся процессов глобализации особенно велико. Объясняется это тем, что технический прогресс и экономические процессы, связанные с глобализацией, существенно изменили отношение человека к себе и своей жизни, а достижения в области новых технологий позволили не только существенно увеличить и систематизировать информационные потоки, но расширили возможности управления ими. В качестве информационного транслятора реклама существенно повысила свою общественную значимость. Апеллируя к потребительскому интересу, реклама не столько информирует, сколько воздействует на мотивы поведения человека в быту, тем самым участвуя в изменении образа жизни и социальных устоев общества.

Исследования рекламных текстов последних лет убеждают, что не последнее место в изменении языка занимает употребление неологизмов. Новые слова придают тексту живость, яркость, оригинальность, необычность и тем самым обращают на себя внимание.

В разных словарях даются различные определения термину «неологизм». В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова – «неологизм – вновь появившееся в языке слово или словосочетание» [2: 630].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой термин «неологизм» трактуется как «...слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [13:

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой неологизм определяется как «...новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [12: 400].

В своей статье я использую определение термина «неологизм» в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

Большинство рекламных неологизмов используется для характеристики рекламируемого товара, подчеркивания его особо привлекательных свойств, привлечения внимания потенциального покупателя.

В рекламных текстах, предлагающих автомобильную продукцию, самую большую группу неологизмов составляют заимствования из других языков. Исследованный материал свидетельствует о том, что шире всего представлены заимствования из английского языка.

Например, часто в текстах рекламы автомобилей можно услышать такие слова, как «парктроник», «родстер». Все эти неологизмы являются заимствованиями.

В автомобильном словаре «парктроник» объясняется как вспомогательная парковочная система, опционально устанавливаемая на автомобилях. Система использует ультразвуковые датчики, врезанные в переднем и заднем бамперах для измерения дистанции к ближайшим объектам по отражённому от них ультразвуку. Система издаёт прерывистый предупреждающий звук (и, в некоторых вариантах исполнения, отображает информацию о дистанции на дисплее, встроенном в приборную панель, в зеркало заднего вида или установленным отдельно) для индикации того, как далеко находится машина от препятствия.

«Парктроники вкупе с камерой заднего вида и зеркалами дают полную картину происходящего за автомобилем» [8: 45].

Слово «лифтбек (liftback - дословно с английского можно перевести как «поднимающаяся задняя часть») - это разновидность хэтчбека, у которого задняя дверь имеет небольшой выступ и в закрытом положении лифтбек больше напоминает классический седан. Именно этим лифтбек отличается от хэтчбека.

У некоторых лифтбеков багажник открывается двумя способами - либо вместе с задним стеклом, либо только выступающая металлическая часть».

«В России начались продажи SkodaOctaviaRS нового поколения. Доступен как лифтбек, так и универсал». [9: 4].

Очень часто в текстах рекламы автомобилей встречаются слова, написанные на английском языке. Это так называемые иноязычные вкрапления. Термин «иноязычное вкрапление» был введен известным психологом и лингвистом А.А. Леонтьевым, который рассматривает иноязычные вкрапления, как результат «сосуществования» двух текстов «...текст на любом языке можно представить как продукт «развертки» модели соответствующего языка, порождающей этот текст по определенным правилам. И, наоборот, можно построить такую модель, которая будет результатом «свертывания» текста по определенным правилам... Однако... некоторые отрезки (сегменты) текста не укладываются в нашу модель. Это очень частые в текстах на любом языке иноязычные вкрапления в любой текст» [11: 60].

А.М Бабкин считает, что «иноязычными вкраплениями являются слова и

выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии» [1: 63].

Например, в рекламе автомобилей встречаются следующие иноязычные вкрапления: «SUV» (автомобиль повышенной комфортности) («Новый GLA - компактный SUV от «Mercedes-Бенц» [6: 6]), «VarioFlex» («SkodaYeti доставит вас, куда пожелаете, а система трансформации сидений VarioFlex позволит взять с собой все необходимое для приключений» [7: 21]), «GripControl» (Представляем новый кроссовер – Peugeot 2008... Светодиодные дневные ходовые огни, интуитивная мультимедийная система с цветным сенсорным дисплеем, панорамная крыша, система распределения крутящего момента GripControl и незабываемые ощущения от каждой поездки» [6: 21]) и многие другие.

Проявление иноязычных слов в текстах рекламных сообщений может быть реализовано транслитерацией русского слова латиницей: «MiniCOOPERMadeinPriroda» (реклама автомобиля Cooper), употреблением иноязычных графем: ДЕРZZАЙ (реклама автомобиля «Mazda»).

Появление новых слов довольно часто связано со словообразовательной и семантической деривацией.

Широко используются словообразовательные возможности аффиксов. Наиболее употребительны аффиксы существительных и прилагательных –ист-, -ов-, -ск-. Например, «Лизинговый автомобиль в конце срока использования становится собственностью арендатора, а не возвращается к владельцу» [7: 15], «ChevroletAveo - для легкой жизни! Список его достоинств впечатляет: спортивный характер, элегантные линии силуэта, прекрасная управляемость, невероятная экономичность и высочайший уровень безопасности 5 звезд Euro NCAP. Это замечательное приобретение во всех отношениях – компактный хэтчбек, который не знает компромиссов» [8: 25] или «Можно долго доказывать, что «Чероки» прямой наследник джиповской фамилии, но сколь многое он может вне дорог» [9: 35].

В языке рекламы можно выделить существительные с аффиксом -инг, используемого для создания инноваций со словообразовательным значением «действие или понятие, связанное с производящей основой слова» (скидкинг, подаринг): «Скидкинг. Nexia от 259000 рублей» [7: 54], «Испытай себя! Незабываемый джиппинг». По мнению Е.А. Земской, «изменение словарного состава языка, пополнение его новыми словами (русскими и заимствованными) приводит к активизации отдельных элементов слова, приобретающих на наших глазах статус аффиксов» [5, с. 125].

Среди префиксов часто употребляются мега-, сверх-, супер-, ультра-. Они обладают значением интенсивности, обозначают нечто превосходящее обычные размеры: «UAZPatriot – внедорожник с суперспособностями» [8, с.33].

Встречаются в рекламных текстах неологизмы, созданные с помощью словосложения. Например, автомир, автоломбард, автокредит.

В рекламных текстах, предлагающих автомобильную продукцию, часто встречаются слова, которые расширили свое значение за счет переосмысления уже имеющегося. Например, слово универсал. В «Толковом словаре русского

языка» Д.Н. Ушакова слово «универсал» имеет три значения: 1. Название указов и грамот, издававшихся для всеобщего сведения польскими королями и украинскими гетманами, а также деклараций Украинской буржуазно-националистической Центральной рады в 1917 году. 2. Инструмент для измерения вертикальных и горизонтальных углов (астр., геодез.). 3. Человек, имеющий разносторонние специальности (нов.). [16].

В «Большом современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой универсал - тот, кто владеет всеми или многими специальностями в своей профессии. [3].

«Современный энциклопедический словарь» дает следующее определение: универсал - закрытый кузов легкового автомобиля с двумя или тремя рядами сидений, тремя или пятью дверьми (одна из них - задняя), с багажным отделением, размещенным за спинкой заднего сиденья внутри пассажирского помещения. [14].

*«В России начались продажи SkodaOctavia RS нового поколения. Доступен как **лифтбек**, так и **универсал**»* [8, с. 4].

Для привлечения внимания потребителя в рекламных текстах часто создаются неологизмы с помощью языковой игры.

Впервые термин «языковая игра» был употреблен австрийским философом Л. Витгенштейном. По его мнению, вся человеческая речевая деятельность, и даже отчасти деятельность неречевая, есть совокупность языковой игры. В современной лингвистике термин «языковая игра» определяется по-разному.

Термином «языковая игра» обозначается специфическое употребление языковых единиц, осознанное говорящим в функциональном отношении, т.е. соотношенное со сферой общения. Языковая игра связана с активностью языковой личности и способностью творчески использовать языковые знания.

Например, прием языковой игры встречается в рекламе следующих автомобилей: Suzuki «SuzukiSwift – *свифтопляски*» [6: 72], KiaSportage «Автомобиль «нарисован» азартно и как бы за один присест. И смотрится спортивным снарядом. Кроссовком. Правда, азиатского дизайна» [7: 158], Renault Logan: «*Логанберри – гибрид ежевики с красной малиной, который вывел американский селекционер Джеймс Логан*»[6: 42].

В рекламе автомобилей LadaPriora и Volvo налицо активное графическое использование англицизмов: «*LadaPRIora. PRIми решение. PRIемистый двигатель. PRIятное исполнение. PRIемлемая цена*» [7: 45]; «*Автомобили VOLVO – безопасное удоVOLVствие*» [9: 48]. Такое непривычное типографическое выделение сделано с целью привлечения внимания потенциального потребителя. Повтор частей PRI и VOLV названия автомобиля, выделение этих частей в последующих словах данных слоганов, способствуют запоминанию марок данных автомобилей.

Проанализировав использование неологизмов в текстах рекламы, предлагающей автомобильную продукцию, можно сделать вывод, что роль новых слов в языке рекламы заключается в создании образности, большей смысловой емкости, в возможности большего привлечения внимания потребителей, а также в яркости восприятия им рекламного сообщения.

Литература и примечания:

- [1] Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
- [2] Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт. 2000.
- [3] Большой современный толковый словарь русского языка в 3 томах, Ефремова Т.Ф. – М.: 2006.
- [4] Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000
- [5] Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: 1992.
- [6] Журнал «5 колесо» Март, 2014.
- [7] Журнал «Автомир» №14 от 29 марта 2014.
- [8] Журнал «За рулем» №2, 2014.
- [9] Журнал «За рулем» №6, 2014.
- [10] Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003.
- [11] Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь// Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966.
- [12] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995.
- [13] Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: 1976.
- [14] Современный энциклопедический словарь. М.: 1997.
- [15] Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. Кожиной М.Н. 2-е изд., испр. и доп. - М.: 2006.
- [16] Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: 2000.

© И.А. Писарева, Е.В. Брысина, 2014

С.В. Сковородина,
СПБГО,,
г. Санкт-Петербург

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Когда иностранный язык становится не самоцелью, а средством решения задач в другой сфере, часто далеких от филологии, самое время пересмотреть традиционные подходы к обучению иностранным языкам.

Отличие современных методик преподавания иностранных языков от некогда традиционных основано на изменившемся за последние 10-15 лет отношении к информации. Информационная теория вскрыла слабые и сильные

стороны информации [1]. Наиболее существенные из них, которые необходимо учитывать в педагогической практике, следующие: во-первых, в современном обществе даже самая актуальная информация быстро устаревает; во-вторых, информация часто характеризуется избыточностью или недостоверностью. Методика преподавания вынуждена дать ответ на вызовы современного информационного общества. Это относится и иностранного языка. Наблюдения показали, что учитель обязан постоянно обновлять дидактические разработки, используя новейшие материалы из иностранной деловой прессы и информационные первоисточники (Интернет страницы ведущих информационных компаний, спутниковое телевидение и др.). С одной стороны, наполнение урока актуальными статьями, блоками новостей повышает мотивацию студентов, дает в целом хорошие результаты в учебной группе, с другой – такой материал практически не подлежит вторичному использованию, что увеличивает нагрузку на учителя на этапе подготовки к уроку [2].

Кроме того, общая перенасыщенность окружающего нас информационного поля говорит о невозможности добиться высоких результатов в преподавании иностранного языка путем повышения объемов учебного материала, нагрузки на органы восприятия и на психические процессы: память, мышление и др. [3]. Эти каналы в лучшем случае заняты другими учебными дисциплинами или же обработкой потоков повседневной информации.

Глобализация коммуникативных пространств – виртуальных и реальных – оказала на методику преподавания иностранных языков особое влияние [4]. Иностранный язык перестает быть целью познания, обучения и развития личности. Рассматриваясь как средство обучения и познания, иностранный язык требует обязательной постановки вопроса «Где и как применить знания и навыки владения иностранным языком на практике?», без конкретного ответа на который все остальные стимулы и мотивации не имеют смысла.

Исходя из понимания роли иностранного языка в современном обществе как средства для достижения различных целей, учитель привлекает в процессе обучения помимо филологических ресурсов иные учебные дисциплины и общие знания учащегося. В этом заключается суть междисциплинарного подхода к обучению иностранным языкам как одного из эффективных приемов преподавания [5]. Точки пересечения обучения иностранному языку с другими дисциплинами могут быть различными, в зависимости от знания и кругозора самого преподавателя.

Во-первых, к ним относятся профильные дисциплины студента – математика, экономика, юриспруденция, механика и др. На сегодняшний день задачей преподавателя иностранных языков является привлечение как можно большего количества знаний, навыков и умений, полученных студентом по профильным дисциплинам. Например, знания и навыки, полученные при изучении экономических дисциплины, могут и должны сегодня находить применение на уроках иностранного языка, потому что для данных студентов иностранный язык – это всегда средство достижения определенных целей, а не сама цель. Поэтому мы стараемся предложить студентам темы докладов и проектов, которые могут быть интересны им по их специальности, и таким образом, мотивировать их к размышлению и дискуссиям по своим профильным дисциплинам. Студентам экономических специальностей вместо стандартных

тем «В отеле», «На дороге», «Прием делегации» и др. предлагаются следующие формулировки тем по английскому языку:

Time In Traffic Jam. – Is It Loss Or Gain? / Время в пробке – потеря или приобретение?/

Small Unknown Cafes in St Petersburg. How to Make Them More Profitable? / Маленькие кафе Санкт-Петербурга, о которых никто не знает. Как повысить их прибыльность?/

How To Make Quotation of Smiles in St. Petersburg's Accommodation Industry? How Much Do The Smiling Staff Earn? How to Arrange Smile Training. / Котировка улыбок в Петербургских отелях. Сколько зарабатывает «улыбчивый персонал»? Как организовать курсы улыбок?/

В результате использования нетрадиционных тем рефератов (проектов) у студентов пробуждается интерес работать вне урока, собирать, анализировать, готовить материал и подбирать необходимые речевые модели на английском языке.

Во-вторых, преподавателю немецкого, французского, испанского и др. второго иностранного языка приходится слышать от студентов, что английский язык преобладает в их обучении и знаниях, вследствие этого им очень трудно перестроиться на уроках второго иностранного языка. Как правило, после занятий английским языком следует второй иностранный язык, слова у студентов путаются, они не могут должным образом сконцентрироваться. Однако преподаватели второго иностранного языка, владеющие английским языком, легко найдут выход из этой ситуации, обратив, по словам студента, это «препятствие» в своего помощника. Работа в этом направлении показала, что английский язык незаменим на уроках второго иностранного, в частности, немецкого языка при объяснении различных грамматических правил и явлений, а также при уточнении значений слов.

При изучении лексики немецкого языка, как и любого другого иностранного языка, студент сталкивается с определенными трудностями, связанными с несовпадением объемов значений слов по сравнению с родным языком. Например, в русском языке лексическая единица «дерево» может иметь несколько соответствий в немецком языке: во-первых, «dasHolz» - дерево как материал, во-вторых, «derBaum» - дерево как растение. Сжатый временными рамками, каждый этап урока требует от преподавателя оперативности. При большом объеме вводимой новой лексики выделить время на объяснение нюансов каждого слова бывает просто невозможно. Оптимальным решением данной проблемы может стать эквивалент, взятый из другого иностранного языка, в нашем случае – английского: «dasHolz» - «wood», «derBaum» - «tree». Как следует из примеров, данный прием приветствует наличие у преподавателя знаний английского или иного дополнительного иностранного языка, на который он опирается при объяснении значений новых слов, но данное условие не является обязательным. Повышению мотивации студентов всегда способствует так называемый «диалог на доверии», когда преподаватель обращается к студентам с вопросом, как эти слова звучат на французском, итальянском, польском или ином языке, которым владеют студенты, но может не владеть преподаватель немецкого языка. Данный вид работы дает эффективные

результаты, поскольку учащиеся занимают в объяснении слов активную позицию.

К аналогичным примерам объяснения значений слов немецкого языка через английский язык можно также отнести глагол «sichfreuenaufAkk», который сохраняет значение «радоваться», но обращен к предмету в будущем. Данный оттенок значения отсутствует у аналогичного русского глагола, поэтому при переводе на русский язык неизбежна лексическая (напр., «ждать ч.-л. с нетерпением») либо грамматическая (напр., «буду рад», «будем рады» и т.д.) компенсация. На этапе знакомства с лексикой оптимально раскрыть значение глагола «sichfreuenaufA» через английскую фразовую единицу «lookforwardto», о которой у студента уже сложилось представление.

Сложным для объяснения русскоязычному студенту может быть немецкое существительное «dieBewerbung» и производные от него сложные слова «dasBewerbungsgespräch», «dasBewerbungsschreiben» и др. Здесь также эффективно ввести немецко-английские лексические параллели, соответственно: «applicationform», «jobinterview» и «letterofapplication» [6].

Наряду с лексическими особенностями изучаемого языка, грамматические правила и принципы немецкого языка тоже иногда эффективнее объяснять на примере английского языка. Например, при объяснении правил использования частицы «zu» в немецком языке можно сравнивать её с частицей «to» в английском языке. Тогда у студентов автоматически устраняется вопрос, почему модальные глаголы в немецком языке не требуют «zu» (kannschwimmen – canswim), а большинство полнозначных глаголов это предполагают (versuchenzutun (trytodo), bereitseinzutun (bereadytodo)).

Кроме того, оттенки значения слова в русском языке тоже можно выявить при помощи англо-немецких лексических параллелей. Например, «скушать» в русском языке имеет несколько оттенков значения. В немецком языке на каждый смысл существует свое слово «sichlangweilen» и «sichsehnen». Традиционно значения данных слов можно объяснять по-русски, что займет 10 минут урока, а можно прибегнуть к помощи английского языка, приведя соответствующие эквиваленты «bored» и «miss», что займет 1 минуту урока. К другим примерам такого плана относится русский глагол «включать»: нем. «einschalten» - англ. «turnon» - т.е., «вводит в действие», и нем. «einschließen» - англ. «include» - т.е., «включать в себя».

Достаточно не просто дается студентам перевод на немецкий язык русского глагола «встречать», поскольку в зависимости от обстоятельств встречи в немецком языке должен использоваться определенный глагол. В английском языке снова обнаруживается практически полное сходство с немецким языком: нем. «begegnen» соответствует английскому «bumpinto», что значит встретиться с кем-то, чем-то не запланированно, неожиданно; нем. «abholen» соответствует англ. «pickup» - встретить, забрать к-л где-л и нем. «treffen» соответствует англ. «meet» - встретиться по договоренности.

Результаты активного использования английского языка в преподавание немецкого языка показали: студенты живо откликаются на приемы включения элементов английского языка в обучение немецкому языку и, как правило, в материале, преподнесенном таким образом, уже не делают ошибок. (Немецко-английские соответствия настолько прочно закрепляются в памяти студента, что

когда я предлагаю им перевести русские предложения со словом «встретить» на немецкий язык, студент спрашивает: Вы имели ввиду «meet» или «pickup»?).

В-третьих, хотелось бы обратить внимание на то, что междисциплинарные связи способствуют не только изучению нового через старое (например, нового иностранного языка), но и позволяют взглянуть на старое, уже изученное, иными глазами. Речь идет о русском правописании, достаточно трудном и для самих носителей языка. В процессе преподавания иностранных языков учитель невольно сталкивается с орфографическими и пунктуационными ошибками студентов на их родном языке, на которые он должен реагировать соответствующим образом.

Приведем пример двух предложений, практически одинаково воспринимаемых на слух на русском языке. Однако на немецкий язык они переводятся различными языковыми средствами, что и помогает нивелировать синтаксическую омонимию [7] и научит студента различать эти формы:

Что бы он ни сказал, мы его не предупреждали.

Чтобы он не сказал: мы его не предупреждали.

В первом предложении «что бы» пишется раздельно и соответствует в немецком языке словосочетанию с вопросительным словом «wasauch»:

Was er auch sagt, haben wir ihn nicht gewarnt.

Во втором предложении речь идет о придаточном предложении цели, вводимом союзом «чтобы», для которого в немецком языке есть соответствующий союз «damit»:

Damit er es nicht sagt, wir hätten ihn nicht gewarnt.

Кроме того, сравнительные обороты с союзом «как» в русском языке могут обособляться или не обособляться запятыми, в зависимости от значения, в котором употреблен данный союз. Это тонкое разграничение не всегда понятно студенту, поэтому данную особенность русского языка можно объяснить через немецкие сравнительные союзы «als» и «wie». Рассмотрим это на следующих примерах:

Как ребенку ему трудно было это понять.

Он разговаривал с ней, как с ребенком.

В первом примере оборот «как» имеет значение «в качестве» и переводится на немецкий язык следующим образом:

Als Kind konnte er es kaum verstehen.

Второе предложение с тем же оборотом «как ребенок» выступает в функции сравнения «как будто» и переводится на немецкий язык иначе:

Er sprach mit ihr wie mit einem Kind.

Вышеуказанное различие в переводе помогает студентам переосмыслить правила пунктуации родного языка, но при условии, если учитель обратит их внимание на данные закономерности.

Не менее важную роль играет перевод с русского языка на немецкий язык при разграничении функций оборота с разделительным союзом «или». Рассмотрим следующие примеры:

Гойя, **или** Тяжкий путь познания.

Гойя **или** его друг.

Из примеров следует, что союз «или» имеет разные функции

употребления, от этого зависит необходимость в обособлении конструкции с «или». В первом предложении речь идет об одном и том же явлении, где союз «или» имеет пояснительную функцию. Поэтому данное предложение может переводиться на немецкий язык только с союзом «oder»:

Goya **oder** der arge Weg der Erkenntnis.

Во втором примере союз «или» выступает в разделительной функции, поэтому здесь его можно перевести как «*beziehungsweise*»:

Goya ***beziehungsweise*** sein Freund.

Таким образом, проникновение иностранного языка в различные сферы коммуникации раскрывает широкие возможности для развития междисциплинарных подходов к его изучению, что накладывает на преподавателя требования обладать определенными компетенциями в смежных дисциплинах. В конечном итоге, эффективность урока иностранного языка сегодня, на наш взгляд, заключается в использовании качественно подобранного минимума информации, минимума материала – грамматического, лексического, речевого - и извлечение из него практической пользы для студента, максимального его приложения на практике.

Литература и примечания:

[1] Джеймс Глик. Информация. История. Теория. Поток. – М.: изд-во «Корпус», 2013г. – С.112.

[2] Попова Н.В., Степанова М.М. Междисциплинарный подход к преподаванию иностранного языка в непрофильной магистратуре // Материалы второй международной научной конференции "Актуальные проблемы науки и образования". Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. - С. 76-81.

[3] Кузнецов Н.А. Информационное взаимодействие в технических и живых системах. Электронный научный журнал «Информационные процессы», 2001, т. 1, № 1, С. 1-9.

[4] Юсупов Р. М., Заболотский В. П. Глобальное информационное пространство: этика и безопасность //Технологии информационного общества. – Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции. – Санкт-Петербург, 3–6 ноября 2003 г. – СПб: Изд-во Филологического ф-та СПбГУ, 2003. – С. 141–146.

[5] Абдулаева, П. З. Реализация междисциплинарной технологии в формировании информационной культуры юристов в процессе профессиональной подготовки [Текст]: дис... канд. пед. наук: 13.00.08 / П. З. Абдулаева. – Махачкала, 2005. – С.64.

[6] The Oxford-Duden German Dictionary: German-English, English-German. O. Thyen, M. Clark, W. Scholze-Stubenrecht, J. B. Sykes – Oxford University Press, 1999 – P. 923-924.

[7] Пузанова Н.А. Омонимия и способы ее разрешения. // Современные тенденции в обучении иностранным языкам. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 294–296.

© С.В. Сковородина, 2014

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Явление билингвизма представляет значительный интерес для многих отраслей науки: лингвистики, психолингвистики, психологии, педагогики, философии и физиологии.

Изучая иностранный язык, человек подсознательно пытается осмыслить его по аналогии с представлениями о родном языке. Учащийся производит высказывания на иностранном языке, оформляя их по правилам родного языка. По его мнению, он все делает правильно. В результате, в его речи происходит несоответствие формы содержанию.

Большинство людей начинают учить иностранный язык в своей стране, и у них нет необходимости постоянно говорить на иностранном языке. Если это происходит, то люди часто делают грубые ошибки в речи под влиянием родного языка. Такие ошибки вызываются интерференцией, столкновением навыков, сформированных ранее, с вновь обретенными [1].

Существуют типичные ошибки, вызванные языковой интерференцией, допускаемые учащимися при изучении грамматики немецкого языка:

- **Употребление артикля.** Эта тема относится к одной из самых сложных в немецкой грамматике. Употребление артикля определяется многочисленными правилами, к тому же все три формы артикля в своих значениях не всегда четко разграничиваются друг от друга. Например, перед именами собственными ставится нулевой артикль (кроме тех случаев, когда имеется какое-либо определение), но в разговорной речи или в художественной литературе часто встречаются случаи употребления имен собственных с определенным артиклем (например, для выражения определенного отношения к объекту) (*DerMaxmussheutekommen.*).

В немецком языке при обозначении профессии, функции или национальности артикль перед существительным не ставится (*EristLehrer.EristDeutscher.*), а в английском языке в подобных случаях ставится неопределенный артикль. В немецком языке неопределенный артикль в таких случаях может ставиться лишь тогда, когда выражается одна общая особенность (*EristeinDeutscher. = eintypischerDeutscher.*).

- **Употребление имен собственных.** В этом разделе немецкой грамматики существует множество различных правил: имена собственные могут употребляться с артиклем (*dieAlpen, dieOstsee, die BRD, dieSonne, derFuchs*) и без него (*Berlin, Rjasan, Russland*). Правила, касающиеся географических названий, запоминаются легче. Выше частотность ошибок в употреблении названий улиц, зданий, кораблей, газет и журналов, произведений искусства, книг и т.п., хотя здесь тоже существуют свои правила.

- **Употребление имен существительных** - названий рода (категории). В немецком языке подобные обозначения, как правило, опускаются (*Jahr, Stadt, Fluss, Bild* и т.п.), например: *RigaliegтамFlussDaugawa* - неверно, верно:

RigaliegatanderDaugawa; RaffaelmaltedasBild „SixtinischeMadonna“ - неверно, верно: Raffaelmaltedie „SixtinischeMadonna“.

- **Употребление времен.** Здесь особые трудности вызывают три формы прошедшего времени, особенно претерит и плюсквамперфект (для изучающих немецкий язык на базе русского) и претерит и перфект (для изучающих немецкий язык на базе английского), так как в русском языке существует лишь одна форма прошедшего времени, а в английском употребление претерита и перфекта (в английском PastSimple и PresentPerfect) определяется другими правилами, чем в немецком языке (в немецком языке выбор этих времен осуществляется по виду высказывания: монологическое или диалогическое, а в английском языке – по наличию временных указателей в предложении).

Претерит и плюсквамперфект, прежде всего в пассиве, употребляются часто неверно, например: Wollteetwasnichtgelingen, gabsienichtteherRuhe, bisesinsLotgebrachtwurde / insLotgebrachtwordenwar (претерит показывает в этом предложении одновременность двух действий (gabnichtRuhe – bisinsLotgebrachtwurde), плюсквамперфект показывает последовательность действий в придаточном и в главном предложениях).

Но и в простом самостоятельном предложении существует разграничение между претеритом и плюсквамперфектом (GesternhatteerdenganzdenTaggearbeitet – неверно, верно: GesternarbeiteteerdenganzdenTag / ... haterdenganzdenTaggearbeitet). При употреблении плюсквамперфекта в большинстве случаев ставится наречие schon. В конкретном предложении „GesternhatteerdasBuchschonbesorgt“ плюсквамперфект означает, что действие произошло до „gestern“. Претерит означает, что время действия и время наблюдения за его результатом идеентичны (GesternbesorgteerdasBuch). Перфект в данном значении идентичен претериту, имеются лишь диалектные различия.

- **Употребление пассива.** Здесь трудностью является различие между пассивом процесса и пассивом состояния, прежде всего в претерите (например: Дверь была открыта. – DieTürwargeöffnet. / DieTürwurdegeöffnet.). В современном немецком языке существует тенденция заменять пассив процесса на пассив состояния. Но есть много примеров, где необходимо четкое различие (например: DieTürwargeöffnet, aberwannsiegewurdegeöffnetwordenwar, wussteichnicht. – в русском языке мы бы дважды употребили «была открыта»).

- **Категория наклонения.** Сегодня существуют тенденции в немецком языке облегчать употребление временных форм сослагательного наклонения, например, презенс конъюнктив, заменяя его на форму с „würde“. Такие формы предпочитают в разговорной речи, тогда как остальные формы сослагательного наклонения являются литературными. Чаще всего ошибки допускаются в придаточном предложении, когда конъюнктив или модальный глагол опускаются (так как их нет в русском языке), но должны ставиться в предложении, например: На чём лучше заострить внимание? – WoraufsolmanseineAufmerksamkeitheerlenken?.

- **Употребление отрицаний.** Здесь основная трудность связана с тем, что, согласно правилу, отрицание keinставится перед существительным вместо неопределенного или нулевого артикля. Но существуют случаи, когда перед существительным ставится не kein, а nicht, например, в устойчивых словосочетаниях (SpielstduKlavier? - Nein, ichspielenichtKlavier. IchspieleGeige.).

- **Употребление инфинитива** с частицей zu или без неё. Типичной ошибкой изучающих немецкий язык после английского является постановка частицы zu перед инфинитивом в предложениях с модальным глаголом wollen, так как в английском языке глагол «хотеть» – „to want“ требует после себя употребления инфинитива с частицей to.

- **Глаголы** с отделяемыми и неотделяемыми приставками.

- **Склонение прилагательных, наречий и причастий, субстантивированных прилагательных.**

В области синтаксиса особые трудности вызывает у учащихся и студентов **порядок слов**: неправильная постановка предиката, прежде всего его отглагольной части; неправильная постановка отрицания „nicht“; неправильная постановка невербальных частей предложения, особенно в длинной атрибутивной цепи; неправильный порядок слов в придаточных предложениях.

Итак, на рассмотренных выше примерах ясно, что проблема языковой интерференции достаточно сложна. Чтобы постараться преодолеть это явление при изучении иностранного языка и избежать как можно больше ошибок, необходимо учитывать все тонкости языка, типичные трудности и ошибки, которые возникают не только при изучении его грамматики, но и при изучении фонетики, лексики и синтаксиса. И ведущая роль отводится в этом, конечно, учителю, который должен помочь учащимся в преодолении многих трудностей путем объяснения этих языковых тонкостей и специфических моментов в изучаемом иностранном языке.

Литература и примечания:

[1] Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М., 1999. С. 63-65.

© Е.В. Слепцова, 2014

К.А. Улитина,
ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
г. Тула

МЕТОДОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА КАК БАЗОВОГО ПОНЯТИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Соотношение языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации представляет собой одну из самых сложных проблем современной лингвистики. Исследование того, как человек оперирует символами, осмысляя мир, и себя в мире, объединило лингвистику с другими дисциплинами, изучающими человека и общество, создало когнитивную лингвистику, которую некоторые исследователи характеризуют как новую научную парадигму.

Концептуальная информация разного типа, как известно, выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую координирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения. [1]

Сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта: первый подход (представителем которого является Ю.С. Степанов) большее внимание уделяет культурологическому аспекту, второй подход (Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) семантику языкового знака представляет единственным средством формирования содержания концепта, третий подход (Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др.) представляет концепт как результат столкновения значения слова с личным и народным опытом человека.

Понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние 15 лет оно переживает период актуализации переосмысления. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру; 2) это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции; 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) это основная ячейка культуры. Отсутствие единого определения связано с тем, что концепт обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре. [2]

Изучив и обобщив различные подходы к пониманию термина и понятия «концепт», мы называем концептом многомерное ментальное образование, отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и имеющее вербальное выражение.

Но как объект исследования новой научной парадигмы изучение концепта ставит новые задачи в исследовании языка и требует новых методик его описания

Основными приемами лингвокогнитивного описания концептов через анализ языковых данных являются:

1. Определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке, базовых языковых репрезентаций концепта («имени» заданного концепта);
2. Построение и анализ семантемы ключевого слова, вербализующего концепт в языке (анализ словарных толкований в словарях разных типов);
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова;
4. Изучение многозначности слова в процессе ее развития;
5. Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова, определение его гиперонима и согипонимов;
6. Построение и изучение деривационного поля ключевой лексемы;
7. Построение лексико-грамматического поля ключевого слова;
8. Применение экспериментальных методик;
9. Анализ паремий и афоризмов, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта;
10. Анализ художественных текстов для выявления таких признаков, которые приобрели в составе концепта символический смысл; а также для выявления индивидуально-авторских концептов в художественных произведениях, описание которых позволяет глубже понять особенности

мировидения писателя;

11. Анализ устного, разговорного словоупотребления;

12. Описание концепта как набора признаков, необходимых и достаточных для включения его в некий логический класс. [3]

Итак, концепт – многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, и все они должны быть учтены при описании концепта.

Очевидно, что чем больше из вышеперечисленных методов и приемов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит и тем ближе к истине будет построенная им модель концепта.

Литература и примечания:

[1] Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта [текст] / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж.: Воронежский государственный университет, 2001. - С. 182.

[2] Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие [текст] / В. А. Маслова. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.

[3] Смирнова, О.М. К вопросу о методологии описания концептов [текст] / О.М. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2009. 15 янв. - № 3. - С. 247–253.

© К.А. Улитина, 2014

***Д.В. Шейко,
В.М. Грязнова,
СКФУ,
г. Ставрополь***

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «СПЛЕТНЯ» В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Текст художественного произведения – особое смысловое пространство, конструируемое автором–творцом и актуализируемое в ходе читательских интерпретаций. Это пространство создается посредством слова, которое, функционируя в тексте, актуализирует в системе своего значения ту его сторону, «которая определяется данной ситуацией, данным контекстом» [5].

На основании анализа синтагматических связей лексики *сплетня* с глаголами можно выделить следующие смыслы в значении этой лексики, которые семантизируются в определенных контекстах.

Первую группу образует сочетание лексики *сплетня* с объектно-ориентированными глаголами и, прежде всего, глаголами движения (*бежать, ползти, идти, течь, нестись*): «Двери не откроит / Под дверь *подползет*». И.С. Никитин «Сплетня» [7]; «*Сплетня по свету бежит, как волна / Тайный грешок обнаружит*». Л.Н. Трефолев «Черное и белое» [7]; «*Московские сплетни шли далее и удоставляли, что «неотразимое влияние» началось гораздо ранее*». Н.Э.

Гейнце «В тине адвокатуры» [7]; «<...>и выдумки, **сплетни**, любезности медом **потекли с его уст**». И.С. Тургенев «Дворянское гнездо» [11]; «Сквозь все это пронесся дух **сплетней** <...>». Н.В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями» [7].

Процесс мышления – физиологический процесс, не имеющий ярко выраженных наблюдаемых характеристик. В системе языка нет глагола, значение которого передавало бы только движение мыслительного процесса.

Функцию передачи движения мысли берут на себя глаголы движения, которые утрачивают все дифференциальные семы и архисему «перемещаться», при этом актуализируются коннотативные семы (распространении неприятной информации, передаваемой от человека к человеку. Эти семемы реализуются при сочетании с существительными, обозначающими «словесный обмен какими-либо неприятными сведениями, мнениями»). В сочетаниях с существительными, обозначающими мыслительный процесс, глагол «идти» передает абстрактную идею бытия, появления и развития мысли, непрерывную смену образов в мозгу; семемы глаголов бежать и нестись теряют дифференциальные семы, характеризующие среду и средство перемещения, но сохраняет сему «темп движения» (быстро); при сочетании с глаголом ползти сохраняется сема ««распространяться, передаваться медленно, с малой скоростью в разных направлениях».

Помимо этого, сочетание с глаголом ползти, актуализирует образную характеристику **сплетни** («ползти» - способ передвижения, характерный для пресмыкающихся и, прежде всего, змей). Змея как общекультурный символ имеет широкое и неоднозначное толкование. В древности ее воспринимали как символ подземного царства и царства мертвых, а в Библии она служит олицетворением сатаны (хотя в тоже время жезл, превращающийся в змею и обратно, помогает Моисею отправиться в пустыню) [4].

Змея, как пресмыкающееся, имеет две особенности: она, как правило, ядовита, и она способна сбрасывать кожу (что воспринималось как символ вечной молодости и обновления). Эти две особенности коррелируют с двумя основными качествами **сплетни**:

- 1) **сплетня** репрезентирует ложную информацию, основная задача которой нанести вред объекту сплетни;
- 2) **сплетня** способна к трансформации структуры и наращению смыслов.

Вторая группа – сочетание с субъектно-ориентированными глаголами:

- 1) реализация семы «оказывать влияние на субъект» – распускать сплетню («<...> вам бы только **сплетни развозить да слухи распускать**– вот и досплетничались! М.Е. Салтыков-Щедрин «Сатиры в прозе») [10], развозить сплетни[там же].

- 2) реализация семы «указание на социальную значимость **сплетни**»: сплетня царит («**сплетня**<...>**царит** в небывалых размерах и сумеет развить всякую малость, дающую повод к литературной сплетне до громадных размеров». Г.И. Успенский «Письма») [7]; сплетня господствует («Пересуды и **сплетни господствовали** тогда сильно в небольшом еще петербургском высшем обществе, где все были наперечете и, так сказать, на глазах друг у друга. Е.П. Карнович «Придворное кружево» [7] (царить в перен. значении: быть широко

распространенным, преобладать);

3) реализация семы «эмоциональное воздействие на субъект»: сплетни будоражат («<...> улицах **сплетни** слухисособеннойнастойчивостьюбудоражилифантазиюобывателей». А.И. Эртель «Записки Степняка») [7] (будоражить в перен. значении – беспокоить, приводить в состояние волнения).

Помимо расширения содержания лексемы «сплетня» в названных словосочетаниях «V + сплетня» в ряде широких контекстов употребления лексемы **сплетни** обнаруживаются ее образные характеристики. «В формах изобразительности есть нечто общее: это стремление расширить словесное представление данного образа, сделать границы его неустойчивыми, породить новый цикл словесного творчества, т.е. дать толчок обычному представлению в слове, сообщить движение его внутренней форме <...>» [3] и «поэтому то единственное, на что обязывает нас наша жизненность, – это творчество слов; мы должны упражнять свою силу в сочетаниях слов <...>» [3]. Отсюда берут свое начало образные представления о **сплетне** как о сети, мутной воде, блинах, человеке, искусстве.

В стихотворении А.С. Пушкина «Чаадаеву» (1821) читаем следующие строки [9]:

*И **сплетней** разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твою?*

Этимологически слово «**сплетня**» восходит к глаголу плести (см. Горяева Н.В., Фасмера М., Преображенского А., Черных П.Я.), и первый образ (*сеть, сетка*), возникающий в сознании, продиктован внутренней формой слова. «*И **сплетней** разбирать игривую затею*» – распутывать сетку сплетни, «разбирать плетение» (*затея* – «хитроумный план», «затаенное причудливое намерение», «выдумка с целью позабавиться»; интересно, что первоначальное значение слова *затеять* – «замышлять что-либо дурное» [8] коррелирует со значением **сплетни** как заведомо ложной информации, наносящей вред ее объекту).

Образ **сплетни** как сети («**сплетни** пленили» – пленить сетью добычу (чеш. *plep* «выручка, урожай, добыча», слнц. *plep* «добыча, ограбление» [12]) актуализируется и у Е.А. Баратынского («Пиры» (1821) [1]:

*Не **сплетни** вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.*

В стихотворении же Н.Ф. Щербиной «Превращение Фаддея в «Нового поэта» (1853) представление о **сплетне** как о некоем плетении, сетке утрачивается:

*И, как мутные потоки,
Полились с его пера –
Сплетни, личности, намеки
С остроумьем комара.*

Сплетня уподобляется в авторском сознании жидкости (*полились сплетни*), основное свойство которой текучесть и способность неограниченное количество раз менять свою форму, принимая форму того сосуда, который она заполняет (актуализируется такое свойство сплетни как мобильность, способность относительно легко изменяться и трансформироваться). Такой образ **сплетни** задан уже самим названием стихотворения «Превращение»

(метаморфозы). Подобное восприятие мы можем наблюдать и в других контекстах: «**Сплетни** скатываются по их белоснежной одежде, точно грязные брызги с крыльев лебеда...» В.Г. Короленко «Слепой музыкант» [7]; «...и выдумки, **сплетни**, любвиности медом потекли с его уст». И.С. Тургенев «Дворянское гнездо» [11]; «Петербург стал океаном **сплетен** и самых нелепых толков». В.В. Крестовский «Панургово стадо» [7]; «**Сплетня** по свету бежит, как волна<...>» Л.Н. Трефолев «Черное и белое» [7].

У Жуковского мы видим более сложную образную соотнесенность (В. А. Жуковский «К А. А. Протасовой» (1813) [6]:

*Но в честь ему решились
По свету торговать
Словесными блинами,
Которые пекут
Болтушки языками
И сплетнями зовут.*

В образной структуре лексемы **сплетня** (соотнесенной с образом блинов) в данном контексте можно выделить две особенности:

- 1) **сплетней** можно *торговать* и соответственно получать определенную прибыль (сплетня превращается при этом в информационный товар);
- 2) **сплетня** приобретает конкретную пространственную форму (круг).

Сплетня – замкнутая структура, представляющая собой однотипно воспроизводимый сценарий в ходе коммуникативного акта. В силу этого она может соотноситься с кругом для стороннего наблюдателя, который не осведомлен о первоначальном отправителе и получателе **сплетни** («взгляд извне») и со спиралью для непосредственно вовлеченных в коммуникативную ситуацию **сплетни** («взгляд изнутри»).

У Л.Н. Трефолева **сплетня** на образном уровне ассоциируется с тисками и костями.

*Сплетни сдавили всю грудь у меня,
В горле стоят, будто кости.*

Сравнение с «костями» символично. «Кости» мифологическим сознанием воспринимают двояко. С одной стороны, это символ смерти и загробного мира, с другой – они являются основой для будущего воскрешения. Такой же дуализм заложен и в **сплетне**, о чем говорилось ранее.

Дополнительную образность лексемы **сплетня** получает и в силу антропоморфизации.

*Смотри, как Сплетник здесь тотчас обогатился,
Он князем уж давно... Таков железный век:
Кто прежде был в пыли, тот в знати очутился!*
Батюшков К.Н. «Перевод 1-ой сатиры Боало» [2].

Литература и примечания:

[1] Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Поэмы. Л.: Советский писатель, 1936. С. 25.

[2] Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М. – Л.: Советский

писатель, 1964. С. 63.

[3] Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. С. 38; 135.

[4] Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. С. 96.

[5] Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/30.htm>.

[6] Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1: Стихотворения 1797–1814. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 272.

[7] Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

[8] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 318.

[9] Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т.1: Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила. М.: Художественная литература, 1985. С. 246.

[10] Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т.2: Господа Головлевы. Сатиры в прозе. СПб.: В типографии М.М. Стасюлевича, 1894. С. 364.

[11] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений. Т.3: Романы. СПб.: В типографии М.М. Стасюлевича, 1897. С. 364.

[12] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3: Муза – Сит. М.: Прогресс, 1987. С. 314.

© Д.В. Шейко, В.М. Грязнова, 2014

Н.В. Шульдешова,

*ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК»,
г. Орел*

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Ключевые слова: терминография, когнитивное терминоведение, лексикография, терминографическая номинация, словарь.

Терминография как одна из ветвей прикладной дисциплины терминоведения занимается указанной выше теоретической и практической проблемами создания терминологических словарей. Современная лексикография напрямую связана с терминографией, что подтверждает само наличие лексикографических терминов.[1] Богатство общей лексикографии отражается многообразием лексикологических, специальных, лингвистических, методических и других терминов, формируя терминологический аппарат лексикографии.

Как междисциплинарная наука лексикография связана с лексикологией, грамматикой, лингвострановедением, семасиологией, стилистикой, психо- и социолингвистикой, теорией информации и методикой обучения и преподавания иностранных языков.[2] Лексикографию можно рассматривать и как научно-практическую дисциплину и как дифференциальную, то есть отраслевую. В самой лексикографии отдельные аспекты знания превращаются в самостоятельные направления такие, как паремиография, фразеография,

идеография, двуязычная (переводная), учебная, статистическая лексикография, терминография или терминологическая лексикография. Это можно констатировать по разнообразию назначения словарей, которые появляются с развитием современной лексикографии и характеризуют научное состояние современного социума.[3]

Языковые категории в динамическом процессе развития языка раскрывают сложную когнитивную систему, влияющую на строй языка и речи, отражая менталитет и особенности непосредственного опыта человека. Терминологическая номинация выявляет структурированные, содержательные, конкретные концепты человеческого бытия. Поэтому лингвистика уже давно имеет антропоцентрический характер. Так появляется когнитивное терминоведение, обеспечивающее понимание логики развития новой отрасли лингвистического знания [4].

В процессе развития прикладной лингвистики терминологические словари приобретают значимую позицию. Специальный терминологический словарь представляет собой справочник, который содержит какой-либо пласт специальной лексики, описание понятий, предметов специальной сферы науки и знаний. Составители и создатели терминологических словарей отслеживают и отображают в своих терминографических произведениях определённую, специальную уже классифицированную систему науки и знаний.

Интерпретация термина различна, одна из трактовок термина определяет его как «единицу какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, и т.д.), обладающую в результате особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки признаки соответствующего понятия». [5]

Появление первых комплексных терминологических словарей, объединяющих языковую, теоретическую и практическую информацию о термине в едином словаре послужило развитию терминографии и терминоведения.[6] Постепенно в терминологические словари включались новые параметры, для описания которых требовались новые лексикографические термины. Это порождало необходимость инвентаризации терминографических параметров. Помимо этого, перед терминографией, стоят задачи описания существующих терминологических словарей, их типологизации и классификации. Методическая составляющая словаря, его композиционные особенности, отбор лексического материала, составление списка терминов, способы представления его организации в электронном виде занимают не последнее место среди задач терминографии и непосредственно влияют на качество и практичность использования словаря.

Литература и примечания:

[1] Шульдешова Н.В. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях. Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - №3 (33). – 2009. – С. 157 – 161.

[2] Шульдешова Н.В. Терминологический барьер в формировании билингвальной методической компетенции. Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - №1. – 2009. – С. 292 – 294.

[3] Шульдешова Н.В. Семиотические характеристики лингвистического термина. Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – №3(33). – 2009. – С. 299-304.

[4] Кубрякова Е.С. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - Воронеж, 2001. - С. 4-10

[5] Алексеева Л. М. WhatisaTerm? // RussianTerminologyScience (1992–2002). TermNetPublisher. Vienna, 2004.Р. 62–78.

[6] Шульдешова Н.В. Дефиниция и термин. Лингвистическая сущность, признаки и функции. Язык как сфера взаимодействия филологических и методических исследований. Всероссийская научно-практическая конференция (Орел, 22 апреля 2010 г.): материалы конференции.-Орел: Издательство ОрелГИЭТ, 2010. – С.33-41.

© Н.В. Шульдешова, 2014

*Е.А. Щепина,
Н.Н. Каландарова,
ФГБОУ ГППИ,
г. Глазов*

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ОБОБЩЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ПОЛУЧЕННЫХ ЗНАНИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Контроль знаний является одним из важнейших элементов урока. С его помощью устанавливается обратная связь, позволяющая учителю вести наблюдение за уровнем усвоения учащимися программного материала.

Систематический учет знаний школьников помогает своевременно «обнаружить пробелы в восприятии и осознании, осмыслении и запоминании, обобщении и систематизации знаний и действий, применении их на практике, а также соответственно корректировать деятельность учащихся и способы руководства этой деятельностью. Учитель при этом получает обратную информацию о ходе процесса усвоения знаний и о его результатах и соответствующим образом вмешивается в процесс: дает индивидуальные задания учащимся, дополнительно объясняет, приводит вспомогательные примеры, в случае выявления ошибочных суждений сообщает факты, противоречащие неверному суждению, помогает выработать правильный способ рассуждений» [1].

Велика воспитывающая роль проверки знаний учащихся. Систематический контроль дисциплинирует школьников, приучает их трудиться

регулярно. Недаром В. А. Сухомлинский считал, что важнейшая задача проверки и оценки знаний, умений и навыков учащихся – укрепление у школьников оптимистического восприятия жизни, труда, в первую очередь – учебного [1].

Создание системы эффективных форм и видов ежедневного контроля знаний, умений и навыков учащихся способствует выявлению уровня обученности школьников на каждом уроке, помогает успешной организации дифференцированного обучения, является одним из реальных путей нормализации учебной нагрузки школьников.

Компьютерные технологии - это также решение новых дидактических задач, связанных с разработкой, внедрением и обоснованием новых методов преподавания [2].

Применение компьютерных технологий обучения влечет за собой решение новых дидактических задач, связанных с разработкой, внедрением и обоснованием новых методов преподавания.

Компьютер активизирует внимание учащихся, усиливает их мотивацию, развивает познавательные процессы, мышление, внимание, развивает воображение и фантазию. Одной из наиболее удачных форм подготовки и представления учебного материала к урокам в начальной школе можно назвать создание мультимедийных презентаций. Презентация дает возможность учителю самостоятельно компоновать учебный материал исходя из особенностей конкретного класса, темы, предмета, что позволяет построить урок так, чтобы добиться максимального учебного эффекта. При разработке презентации учитывается, что она:

- быстро и доходчиво изображает вещи, которые невозможно передать словами;

- вызывает интерес и делает разнообразным процесс передачи информации;

- усиливает воздействие выступления.

Возможные направления педагогического использования компьютеров в начальной школе многообразны. Вот лишь некоторые из них:

- использование средств новых информационных технологий для усиления мотивации учения благодаря новизне работы с компьютером. Компьютер помогает раскрыть практическую значимость изучаемого материала, проявить свою оригинальность, задать вопросы и предложить собственные решения.

- развитие индивидуальных особенностей. Индивидуальная работа ребенка за компьютером создает условия комфортности при выполнении заданий, предусмотренных программой: каждый ученик работает с оптимальной для него нагрузкой, так как не чувствует влияния окружающих.

- расширение возможностей получаемой учебной информации.

Компьютерные технологии могут быть органично включены в любой этап урока – во время индивидуальной или словарной работы, при введении новых знаний, их обобщении, закреплении, для контроля ЗУНов.

Проблема исследования: как использование компьютерных технологий способствует обобщению знаний по русскому языку у младших школьников?

Цель исследования: выявить роль компьютерных технологий в обобщении знаний по русскому языку у младших школьников.

База исследования: 4 «г» класс, школа № 2 г. Глазова Удмуртской

республики.

Констатирующий эксперимент показал, что учащиеся допускают орфографические ошибки (непроверяемая безударная гласная, написание удвоенных согласных), не знают лексическое значение слов, фразеологизмы, пословицы, поговорки.

В процессе формирующего эксперимента были проведены: обобщающий тест по русскому языку, словарная работа (работа с синонимами, антонимами, фразеологизмами, многозначными словами), олимпиада по русскому языку с использованием интерактивной доски.

Благодаря компьютеру, в более короткие сроки нами были решены такие задачи, как пополнение словарного запаса, формирование грамматического строя, восполнение пробелов в развитии звуковой стороны речи, формирование связной речи, развитие орфографической зоркости, что способствовало повышению грамотности младших школьников.

Литература и примечания:

[1] Амонашвили Ш. А. Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников. - М., 1984.

[2] Щукин П.И. Методика использования новейших средств обучения - М.: 2005. Электронный ресурс: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2013/11/10/shkolnyy-tur-olimpiady-po-russkomu-yazyku-3-klass-2013>

© Е.А. Щепина, Н.Н. Каландарова, 2014

**Е.Р. Якименко,
Н.Е. Тропкина,
ФГБОУ ВПО «ВГСПУ»,
г. Волгоград**

«СОХРАНИТЬ И НЕ ЗАБЫТЬ» (ИСТОРИЯ ЦАПП КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА)

Царицын был далекой от столичной культурной шумной жизни провинцией, жизнь здесь текла неспешно, но наш город был и центром культуры Нижне-Волжского края. В первой половине XIX в. в Царицыне и других российских городах имя Эдуарда Губера знали едва ли не все любители русской словесности. В Царицыне жили и творили Н. Бекетов и А. Жуковский (Бернет), А. Леонов и П. Лямин, С. Семенов и П. Линич. Рядом с этими поэтами, поближе к нашим дням, в крае писали Д. Мордовцев, Ф. Крюков, Р. Кумов, А. Серафимович, А. Шейнин, Н. Отрада, Б. Лащилин. Долго еще можно перечислять имена талантливых поэтов и писателей, связанных с городом, однако, интерес для нас представляет царицынская пролетарская поэзия и наиболее яркие ее творцы.

Непосредственно литературная жизнь Царицына конца 19 века и первой половины 20 века – явление, изученное недостаточно. Одним из фактов, привлечших наше внимание, стала страница литературной истории нашего края, связанная с созданием Царицынской ассоциации пролетарских писателей

(ЦАПП). К этому событию из литературной истории края обращается в своей книге «По следам времени. Из истории писательской организации Царицына – Волгограда» Виталий Борисович Смирнов [8]. Деятельность ЦАПП была разнообразна, но ее литературное значение еще предстоит исследовать.

В настоящее время происходит переоценка ценностей, формируется новый взгляд на историю развития литературы. В советские времена, особенно в 30-е – 50-е годы, творчество пролетарских писателей всячески насаждалось как явление классово-близкое советскому читателю. Начиная с 60-х гг. XX века поэзия и проза пролетарских писателей чаще всего оценивалась негативно, нередко вызывала ироническое отношение, вплоть до полностью негативной интерпретации творчества пролетарских писателей в литературоведении середины 80-х – начала 1990-х годов. Сейчас существует ряд исследователей, которые рассматривают творчество пролетарских писателей как эстетический феномен. В ряду этих исследователей мы особо выделяем работу петербургского литературоведа Марии Александровны Левченко, в том числе ее кандидатскую диссертацию «Поэзия пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи». Исследователь пишет: «В настоящее время, когда филологическая наука подходит не только к переосмыслению наследия соцреализма, но и фактически – к написанию новой истории русской литературы XX в., особенно актуальной представляется попытка вписать в историю развития русской культуры XX в. пролетарскую поэзию, что поможет более полно и с иных позиций представить литературный процесс XX в. в целом» [4].

Царицынские пролетарские авторы проходили одну школу жизни, которая начиналась с сиротства и нищеты, нужды и тяжелого труда при царском режиме, завершалась перерождением человека после революции, вхождением его в ряды ударников, лучших представителей нового общества: кто был никем, становился всем. Каждый из них был уверен в поучительности своего жизненного опыта, в необходимости донести свои знания и веру трудящейся массе. Проанализируем некоторых из них.

Наиболее талантливый пролетарский поэт нашего края – **Николай Золотухин** – один из основателей Царицынской Ассоциации Пролетарских писателей. С мая 1923 г. – заведующий агитационно-пропагандистским отделом, редактор литературно-художественного журнала «Пламя», который ЦАПП начала издавать с сентября 1923 года.

В творческой манере письма поэт тяготеет к пейзажной лирике. Несмотря на то, что его творчество связано с довольно тяжелым и противоречивым временем, Золотухин никогда не терял духовной связи с родными местами. Его стихи с пейзажными зарисовками воплощают в себе чувство юношеской непосредственности, однако, это поэт уже сложившийся, со своим голосом, своей темой, мироощущением. У Золотухина два жизненных пристрастия – природа дорогого его сердцу края и незатихающая тревога о близких. Эти пристрастия определили общую тональность его стихов – то тихие, напевные, то до боли тревожные раздумья над жизнью, ее тайнами. В этом плане примечательно его стихотворение «Из песен о себе» [2]. Поэт сумел слить воедино столь разные по характеру состояния человеческой природы. Поэт благословляет нелегкое счастье, которое выпало на долю его поколения. Это счастье первооткрывателя, счастье трудных дорог. В то же время его тяготит усталость и тревога, он хочет

выбрать правильную дорогу и показать ее остальным:

О, жалко дней весенних, ранних,
как цвет на яблоне душистых.
Их тяжело Есенин ранил
любовью злого гармониста.
Вишневым соком губы рделись,
смеялось сердце зорькой алой,
и далеко и гордо пели
уста о счастье небывалом.
Все чаще с буйными очами
сидел в Есенинской Харчевне,
под шелест ветел одичалых,
под звон копыт зари вечерней.

И вот, пришла ко мне тревога.
Я жить устал на тихом плесе.
Пойду израненной дорогой
искать иных, железных песен.
<...>
О, всем нам, всем дано от жизни
встречать дорог зовущих много,
блуждать дорогами чужими
и вновь идти своей дорогой.

В самой образной системе пролетарских поэтов Царицына полностью воплотились особенности пролетарской поэзии, о которой ее теоретик Н. Ляшко в статье «Основные отличительные признаки пролетарской литературы» писал: «Главное, что объединяет пролетарских писателей, это ощущение труда, сознание того, что лишь трудом, через труд будет достигнут идеал, будут сожжены все обрушивающиеся на работника напасти, что труд есть мерило справедливости, равенства. Даже явления природы они наделяют трудовыми процессами. Луна, соловьиные трели, звезды, солнце, кукушка - все намекает пролетарским писателям на трудовые образы» [7]. Именно таковы образы в стихотворении Николая Золотухина «Утром»:

Мы идем в заводы	а восток смеется
синеглазым строим,	красною зарею,
наши думы ясны,	и трепещут чутко
как цветы чисты,	тополой листы [3].

В число обогащающих человека чувств входит отношение его к природе. Золотухин не просто описывает природные явления, но и стремится осмыслить ее место в духовной жизни людей. Налицо эстетическая сторона пролетарской поэзии, в которой имела место и пейзажная лирика, возникшая у Николая Золотухина.

Одним из главных образов, которые становятся символом родного края, является образ Волги. Он многозначен. К реке обращаются как к высшему судье, ее воспевают как чудесное место, ставшее источником душевной гармонии. Реке несут свою боль и радость, вступая с ней в живое общение. В этом плане примечательно стихотворение Николая Золотухина «Волжанка» [1].

Ой, ты Волга	Ой, ты Волга
синеструйная река!	голубиная река!
Ты бежишь,	Ты звени
бежишь из дали - далека.	кудрявой далью - далека!
Звонко волны	Над тобою солнце жарче
по камням твоим	огневит.
поют.	Солнце скачет
Понимают,	и о гребни
понимают грусть мою.	волн
<...>	звонит!

Знаменитая река обладает иной раз переносным и даже судьбоносным значением и смыслом. Волжский пейзаж помогает читателю понять настроение героя, его сущность, духовные искания. Через образ реки царицынские поэты показывают огромную любовь к русской природе, к людям, живущим на ее берегах.

Среди царицынских поэтов, успешно разрабатывающих рабочую тему, Сергею Ленскому по праву принадлежит одно из самых видных мест. Поэт родился в 1888 г. в селе Быково Николаевского уезда Царицынской губернии. Он интересовался революционной деятельностью и работой подпольных организаций. В 17 лет он стал членом революционной группы. В период военного коммунизма работал в должности секретаря уездного комитета и писал стихотворения.

Тематика его лирики укладывалась в производственную атмосферу, трудовые процессы, машинизм. Для Ленского настоящего человека характеризуют рабочая сталь, натруженные руки, особая прочность души и тела. По форме своего поэтического выражения Ленский очень близок к поэтам железа – А. Гастеву и М. Герасимову с их пафосом машинной техники, которая вытесняет человеческое начало. Свои чувства и переживания Ленский передает через образы с индустриальной семантикой. Знаменательно в этом отношении стихотворение «Из металла» [6].

Я видел средь станков ее опять,
она была в лучах багряного металла.
Я жаждал вновь ее по-прежнему обнять,
когда искристый взор в меня она метала.

Я чувствовал: любовь, как плавка, клочкотала
в стальной ее груди;
она железные цветы в руках сплетала,
И я шептал: «Приди.., Приди»..

Под шум машин, свободная, с задором
она рабочий марш в работе напевала,
и волос выходящий ее, с пробором,
был точно вылит из металла.

«В пролетарской поэзии происходит уравнивание «лирического героя» с заводом и машиной, здесь имеет место мифологическая эквивалентность субъекта и объекта» [4]. Ленский показывает поразительную связь человека с машиной. Любовный конфликт стихотворения пропитан производственным духом. Волос вылит из металла, грудь стальная, цветы железные – все подтверждает мысль о том, что пролетарские поэты проникают в душу металлов, в их историю, в их «интимный мир и характер».

Гиперболичность в поэзии Ленского, монументализм служат главной идее стихотворения «В шахте» [5]– пролетарий-труженик велик в делах своих. Для Ленского – это аксиома, он настолько близок к своему герою, что часто сливается с ним. Автор ощутил, что такие определения, как «железный» и «чугунный» передают живой облик человека-строителя новой эпохи. Герой его стихотворения – молодой рабочий паренек, полон духа товарищества, крепкий, горячий. Труд шахтера – один из самых тяжелых. У него поистине адская работа, нужно быть постоянно начеку, отвечать за себя и за других:

Ры... р...р...р...р...

Зазмеился канат на лебедке,
из обугленных дыр,
поднимаются черные сметки.

Тучей черной повисла кругом
ядовитая пыль антрацита.

- Вира! Майна! - площадка целуется с днем.

- Берегитесь! Р...р...рах!... - жизнь разбита.

Под землей духота, чуть мигает фонарь,
из пород ручеек пробивает.

Вечный мрак. Черный шахтовый царь
всюду бродит и крепны сбивает.

Поэзия Ленского сыграла конструктивную роль в формировании сознания пролетарских масс Царицына, отражала высокую идейность политической борьбы.

Творчество пролетарских поэтов является частью общего литературного процесса развития русской поэзии на рубеже XIX – первой половины XX века. Оно формируется и претерпевает художественную эволюцию в тесной связи с этапами исторического развития революционного движения в России на этом временном отрезке.

Пролетарская поэзия Царицына является органической частью русской пролетарской поэзии и развивается по тем же художественным канонам, что и явление в целом.

Литература и примечания:

[1] Золотухин Н. Волжанка // Пламя. – 1923. - № 4. - С.7.

[2] Золотухин Н. Из песен о себе // Пламя. – 1923. - № 6. - С. 5.

[3] Золотухин Н. Утром // Пламя. – 1923. - № 1. - С. 7.

[4] Левченко М.А. Поэзия пролеткульта: идеология и риторика революционной эпохи: автореф. дис. на соис. уч.ст. канд. филол. наук. Спб., 2001.

[5] Ленский С. В шахте // Пламя. – 1923. - № 2. - С.10.

[6] Ленский С. Из металла // Пламя. – 1923. - № 1. - С. 5.

[7] Ляшко Н. Основные отличительные признаки пролетарской литературы //Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы: Хрестоматия. М., Просвещение, 1986. С.47.

[8] Смирнов В.Б. По следам времени. Из истории писательской организации Царицына-Волгограда. Волгоград, Комитет по печати, 1996. 528 с.: ил.

© Е.Р. Якименко, Н.Е. Тропкина, 2014

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

*Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции
(с международным участием)
Том 5 (секция «Филологические науки»)
г. Нефтекамск, 5 декабря 2014 г.*

Подписано в печать 6.12.2014 г. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 5,25 Тираж 100 экз. Заказ 5.

*Редакционно-издательский отдел
ООО «Наука и образование»
452681, РБ, г. Нефтекамск, ул. Дорожная, 15а*

*Отпечатано в редакционно-издательском отделе
ООО «Наука и образование»
Телефон 8 (937) 333-86-86
E-mail: vostretsow@yandex.ru*